

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Людмила Зубова

ГРАММА
ТИЧЕ
СКИЕ
ВОЛЬ
НОСТИ
СОВРЕ
МЕННОЙ
ПОЭЗИИ

1950–2020

Грамматическая динамика в поэтическом отражении

Людмила Зубова

**Грамматические вольности
современной поэзии, 1950-2020**

«НЛО»

2021

Зубова Л. В.

Грамматические вольности современной поэзии, 1950-2020 /
Л. В. Зубова — «НЛО», 2021

ISBN 978-5-44-481610-3

Современная поэзия, ориентированная на свободу языковых экспериментов, часто отступает от нормативных установок. В наше время поэзия с ее активизированной филологичностью – это своеобразная лингвистическая лаборатория: исследование языка в ней не менее продуктивно, чем научное. В книге филолога Людмилы Зубовой рассматриваются грамматическая образность и познавательный потенциал грамматики в русской поэзии второй половины XX – начала XXI века, анализируются грамматические аномалии, в которых отражаются динамические свойства языковой системы и тенденции ее развития. Среди анализируемых авторов Алексей Цветков, Виктор Кривулин, Елена Шварц, Владимир Гандельсман, Владимир Кучерявкин, Александр Левин, Владимир Строчков, Виталий Кальпиди, Андрей Поляков, Мария Степанова, Давид Паташинский, Полина Барскова, Линор Горалик, Гали-Дана Зингер, Игорь Булатовский, Надя Делаланд, Евгений Клюев и многие другие (всего 242 поэта). Людмила Зубова – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ISBN 978-5-44-481610-3

© Зубова Л. В., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ1	5
ГЛАВА 1. ИМЕННОЙ СИНКРЕТИЗМ	7
Устранение стандартной сочетаемости кратких прилагательных	9
Совмещенная грамматическая полисемия и омонимия	12
Синкретичное имя как результат обратного словообразования	24
Авторские полные прилагательные, образованные от существительных	31
Авторские формы сравнительной и превосходной степени, образованные от разных частей речи	36
Авторские существительные-определения	43
Производящие существительные в конструкциях типа черным- черно	46
Субстантивация прилагательных и адъективация существительных	50
ГЛАВА 2. ПАДЕЖНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Людмила Зубова

Грамматические вольности современной поэзии, 1950—2020

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

*Жизнь, расшибаясь о встречи,
Жаждала смысла, дела...
Шероховатости речи —
Лучшее, чем я владела.*

Татьяна Бек

Современная поэзия², ориентированная на свободу языковых экспериментов, во многом противостоит стандартам мировосприятия, которые диктуются привычными языковыми структурами, в частности предсказуемостью лексических и грамматических связей в речи и тексте.

Лингвистическая теория часто опирается на исследование границ допустимого в нормативном языке. Поэты тоже исследуют границы допустимого – нарушая их. При этом поэты, предлагая увидеть мир в неожиданном ракурсе, исследуют не только выразительные, но и познавательные возможности языка.

Резкое возрастание степеней свободы по отношению к реальности делает искусство полюсом экспериментирования <...> Гениальным свойством искусства вообще является мысленный эксперимент, позволяющий проверить неприкасаемость тех или иных структур мира (Лотман 2000: 130).

В языке наиболее стабильна грамматика. Ее устойчивость «находит разительное подтверждение в том активном сопротивлении, которое оказывают грамматические структуры требованиям экспериментальной поэзии» (Якобсон 1987: 84).

Грамматические преобразования в языке, хотя и очень медленные³, а также игровые сдвиги и авторские эксперименты, не прибавляя и не убавляя языковых единиц, изменяют способ восприятия и отражения действительности, сложившийся в общем опыте носителей языка и, соответственно, закрепленный нормой. Кроме того, искусство в целом и поэзия в частности не столько отражают действительность, сколько творят собственный художественный мир.

Двадцатый век экспериментировал с грамматикой весьма активно и радикально. Футуристы, имажинисты, обэриуты с разных позиций объявляли войну грамматике:

[После футуристов и обэриутов. – Л. З.] нацеленность на «расшатывание», «разрушение», «ломку», «преодоление» грамматики вошла

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Университета г. Трир (Германия) при поддержке DFG Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika (FOR 2603) и при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Грамматика в современной поэзии» РГНФ № 08-04-00214а (2008–2010 гг.).

² В книге анализируются поэтические тексты начиная со 2-й половины XX века.

³ «Морфологический строй языка характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним явлениям и чрезвычайно медленной изменяемостью» (Панов 1968: 9).

в языковое сознание или дала рефлексы в реальной поэтической практике многих поэтов (Красильникова 1993: 222).

По существу, современная поэзия с ее повышенной филологичностью – это своеобразная лингвистическая лаборатория, исследование языка в которой не менее продуктивно, чем научное. Поэзия часто пытается найти новое применение тому, что стихийно появляется в языке, и тем самым производит отбор функционально жизнеспособных элементов. Поэтому обращение к художественным текстам современных авторов оказывается полезным для постановки и решения теоретических и практических проблем лингвистики, касающихся осмысления новых языковых явлений. Как утверждал еще А. А. Потебня, «поэзия <...> является могущественным донаучным средством познания природы, человека и общества. Она указывает цели науке, всегда находится впереди ее и незаменима ею во веки» (Потебня 1990: 143).

Эстетическая функция языка способствует чувственному представлению грамматических категорий.

Современная поэзия, активно экспериментирующая со словом и грамматической формой, постоянно извлекает из языковых единиц и структур тот художественный смысл, который проявляет себя в нарушении правил сочетаемости и согласования форм, в конфликте между грамматикой и лексикой, в противоречиях между нормой и системой языка, в вариантности языковых единиц. Ю. Д. Апресян отмечал, что языковые аномалии – это «точки роста новых явлений» (Апресян 1990: 64), а Н. Д. Арутюнова – что они воспринимаются семиотически, являются знаками скрытого смысла (Арутюнова 1999: 90).

Употребление грамматических форм с отклонением от нормы и от узуса⁴ у поэтов часто сопровождается языковой рефлексией, выражением эмоций, иронической тональностью. Форма слова, на которой сосредоточено внимание авторов, нередко становится показателем отношения человека к жизни, выразителем социальных, идеологических и психологических факторов, а иногда и поведенческих установок.

Поэтому изучение поэтической грамматики имеет значение не только для лингвистики, но и для литературоведения, а также психологии, социологии и других смежных областей знания.

При цитировании поэтических текстов орфография, пунктуация и курсивное выделение воспроизводятся по тем источникам, на которые даются ссылки.

Выделение фрагментов текстов полужирным шрифтом мое – Л. З.

⁴ Узус – обычное, массовое употребление языковых единиц, не всегда соответствующее норме.

ГЛАВА 1. ИМЕННОЙ СИНКРЕТИЗМ

Язык мой – зверь мой. Зверь мой – язык и высок. <...> Язык мой пятнист и велосипедист <...> Зверь мой крылат и шоколад, членистотел и улетел.

Александр Левин

Рассмотрим поэтическое употребление кратких прилагательных, а также некоторых полных прилагательных – отсубстантивных поэтических неологизмов – как проявление именного синкретизма, характерного для современного поэтического языка.

Традиционно и в филологических исследованиях, и в преподавании подобные прилагательные в сочетаниях типа *древесну сень* считаются усеченными (см., например, Винокур 1959: 346–355), но я все же предпочту называть их краткими в соответствии с исторической достоверностью⁵.

В современной поэзии мы наблюдаем очень заметную массовую активизацию кратких прилагательных в атрибутивной функции.

Подсчеты, выполненные А. С. Кулёвой (Кулёва 2017), показали, что в XVII веке атрибутивная функция кратких прилагательных еще была обычным явлением в языке, в XVIII веке такая функция воспринималась как поэтическая вольность – нарушение языковой нормы, допустимое в поэзии⁶.

Мнение о том, что употребление кратких (усеченных) прилагательных вместо полных сначала определялось только потребностями ритма и рифмы, было и остается достаточно устойчивым, его поддерживали и сами поэты XVIII века, и многие филологи (см.: Винокур 1959: 346–355) – несмотря на очевидные факты атрибутивного употребления нерифмованных кратких прилагательных, равносложных полным. Немало примеров такого употребления приведено в монографии А. С. Кулёвой (Кулёва 2017). Постепенно поэтическая вольность становилось новой художественной нормой. А. С. Кулёва исследовала динамику атрибутивных кратких прилагательных и показала, что на рубеже XVIII–XIX веков возникали штампы типа *небесна красота, люта смерть, жестока страсть, нежны взоры*; краткие прилагательные оказались особенно востребованными поэзией раннего романтизма, а во второй половине XIX века, с приближением поэтического языка к разговорному, употребление таких форм переориентировалось с церковнославянской традиции на фольклорную; в это время развивалось также ироническое и сатирическое употребление форм. В поэзии первой половины XX века сокращалось количество усеченных прилагательных, но расширялась сфера их употребления, становились разнообразнее функции. Начиная примерно со второй половины XX века количество кратких прилагательных-определений увеличивается, расширяется их репертуар (Кулёва 2017).

⁵ Не только фразеологизированные формы прилагательных в сочетаниях типа *среди бела дня, на босу ногу* были первичными по отношению к формам типа *белого, босую*, но и все прочие прилагательные, не вошедшие в устойчивые сочетания. Ни атрибутивная или предикативная функция, ни перенос ударения с основы на окончание (*красна – красна́*) не имеют решающего значения для отнесения прилагательных к разным категориям, так как сказуемыми вполне могут быть и полные, и краткие прилагательные: *она умная и она умна́*, а ударение в сказуемом далеко не всегда отличается от ударения в определении (*она безумна, приятна, приветлива, заметна*); нулевое окончание форм мужского рода вообще не может быть ударным (*добр, весел* и т. п.). Характеристика форм типа *сладк, умн, верн* как очевидно искусственных, вторичных по отношению к полным прилагательным (см.: Винокур 1959: 348) тоже не убедительна: в этих случаях язык осуществляет одну из возможностей, связанных с историей редуцированных гласных. И даже если формы типа *сладк, умн, верн* появились в поэзии через шесть-семь веков после утраты и прояснения редуцированных, язык сохранил возможность фонетического варьирования при формообразовании.

⁶ «По существу, списки поэтических вольностей – это петиция от поэта к Аполлону с перечислением индивидуальных провинностей, которые поэт просит не ставить ему в вину» (Живов 1996: 226).

В современной поэзии, смешавшей новое со старым, шутовское с серьезным, свои слова с чужими, активизировался традиционный поэтизм (штамп), казалось бы, давно ставший непригодным для серьезного высказывания. Однако в случае атрибутивного краткого прилагательного это традиционный поэтизм не лексико-фразеологический, а структурный. А само смешение всего, что принято различать, обернулось на новой стадии поэтического мышления востребованностью синкретизма, который был характерен для общеиндоевропейской и общеславянской стадии развития языка.

Устранение стандартной сочетаемости кратких прилагательных

Общеязыковыми фразеологическим реликтами именного синкретизма являются выражения типа *среди бела дня*, *на босу ногу*. Краткие прилагательные в этих словосочетаниях жестко ограничены лексически, вполне можно составить список таких слов, и он будет коротким⁷.

Современная поэзия сопротивляется фразеологичности языка как воплощению стандарта при создании и восприятии текстов. Сопротивление обнаруживается и в том, что поэты не мирятся с лексической и грамматической идиоматичностью реликтов, оставшихся от прежних систем.

Так, Валерий Шубинский заменяет постоянный эпитет из сочетания *сине море* на индивидуальный, создавая тем самым напряжение между фольклорной и авторской картиной мира:

Если что, не с ветром ганзейским споря,
Пел, но с дурью минут и дней —
Голубиный город у **сера моря**,
Город снов и черных коней.

Валерий Шубинский. «31 декабря 1987»⁸.

Наталья Горбаневская, воспроизводя языковую единицу *сыр-бор* в буквальном смысле (говоря о лесе, а не о скандале) и сохраняя дефис как знак лексикализованности сочетания, изменяет падежную форму:

Стебелёк из-под забора
как грибок из **сыра-бора**
Значит, нищим от собора
отдадим остатнее.

Наталья Горбаневская. «Песенка»⁹.

Тамара Буковская, употребляя архаизированную грамматическую форму в терминологическом сочетании *смирительная рубашка*, перемещает лексическое значение прилагательного с бытового уровня на символический:

Где силы взять, чтоб зиму пережить,
не околеть, не одуреть от страху,
не замечать **смирительну рубашку**,
наброшенную ловко на пейзаж

Тамара Буковская. «Роится снег, и рядится в одежды...»¹⁰.

⁷ «В русском языке краткие (нечленные) формы прилагательных встречаются в атрибутивной функции только в немногих идиоматических сочетаниях типа *среди бела дня*» (Исаченко 2003: 190). Как правило, компоненты таких словосочетаний грамматически неизменны (в норме невозможно **бел день*, **белу дню*, **боса нога*, **на босе ноге*). Словосочетания склонны к лексикализации, наиболее отчетлива она в интонационном единстве и, соответственно, дефисном написании единиц типа *сыр-бор*.

⁸ Шубинский 1991: 61.

⁹ Горбаневская 1996: 21.

¹⁰ Буковская 1991: 23.

Обратим внимание на то, что слова *смирительну рубаху* в этих строчках представляют собой метафору снега. Для архаизма типична связь изображаемой реальности с вечностью, независимость этой реальности от времени. Важен здесь и контраст высокого стиля прилагательного-поэтизма с экспрессивно-разговорными выражениями *не околет, не одуреть со страху*. Отстраняющее слово *пейзаж* вносит в текст неразличение реальности с ее изображением и тем самым соединяет природу с искусством. Возможно, подтекстом этих строчек являются стихи Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...» и «Бесы»: в стихах Буковской сумасшедшей предстает природа.

В стихотворении Виктора Кривулина «Крыса» символический план грамматической формы представлен особенно отчетливо. Автором сакрализируется андеграунд, лидером которого в Ленинграде был именно Кривулин. При этом существенно, что магистральная линия в поэтике ленинградского андеграунда была связана с ориентацией на культурные ценности, воплощенные классической поэзией¹¹:

Но то, что совестью зовем, —
не крыса ль с красными глазами?
Не крыса ль с красными глазами,
тайком следящая за нами,
как бы присутствуя во всем,
что ночи отдано, что стало
воспоминаньем запоздалым,
раскаяньем, каленым сном?

Вот пожирательница снов
приходит крыса, друг подполья...
Приходит крыса, друг подполья,
к **подпольну** жителю, что болью
духовной мучиться готов.
И пасть, **усеяна** зубами,
пред ним, как небо со звездами —
так совесть явится на зов.

Два уголька ручных ожгут,
мучительно впиваясь в кожу.
Мучительно впиваясь в кожу
подпольну жителю, **похожу**
на крысу. Два – **Господен** суд —
огня. Два глаза в тьме крошечной.
Что боль укуса плоти грешной
или крысиный скрытый труд,
когда писателя в Руси
судьба – пищать под половицей!
Судьба пищать под половицей,
воспеть народец остролицый,
с багровым отблеском. Спаси
нас, праведник! С багровым ликом,
в подполье сидя безязыком

¹¹ Одна из статей о неофициальной поэзии Ленинграда была названа «Котельны юноши» (Бобышев 1991).

как бы совсем на небеси!

Виктор Кривулин. «Крыса»¹².

В сочетании *подпольну жителю* происходит пересимволизация верха и низа – и на лексическом, и на грамматическом уровне. О низком – и в переносном, и в буквальном пространственном смысле (о подполье) – говорится высоким слогом XVIII века. Возвышение образа в этом сравнении маркировано и пунктуационно: запятая после слова *насть* в строке *И насть, усеяна зубами* превращает краткое предикативное причастие в атрибутивное. Такая пунктуация позволяет заметить зыбкость границы между определением и сказуемым: в данном случае решающая роль принадлежит только выделительной интонации, которая обозначена запятой.

В цикле Марии Степановой «20 сонетов к М», демонстрирующем отсылку к «Памятнику» Пушкина, формы кратких прилагательных-определений предваряются архаизмом *ветхоем*, еще более отдаленным по времени:

Я памятник воздвиг, и -ла, и -ну.
В мышинной норке, в **ветхом** жилище,
И на ристалище, и на кладбище,
Где ни была, куда ни помяну.
Хоть за руку одну, твою, **родну**,
Держатися на этом пепелище,
Где кое-что во мне находит пищу,
А я себя, как пищу, протяну.

Мария Степанова. «Я памятник воздвиг, и -ла, и -ну» /
«20 сонетов к М»¹³

Такую структуру нестяженного полного прилагательного, сохраняющего в себе отчетливый след местоимения на пути его преобразования во флексию, можно наблюдать в фольклоре (см., напр.: Богатырев 1963).

Очень любопытно в этом тексте соседство слов *одну* и *родну*. Грамматическая близость форм усилена внутренней рифмой. При этом атрибутивность поэтизма *родну* ослаблена в пользу его номинативности, так как авторские запятые побуждают видеть здесь не только уточняющую конструкцию, но и перечислительный ряд. В этом контексте гораздо более определено, чем в ранее рассмотренных текстах, создается ситуация для проявления кратким прилагательным его синкретического потенциала – комплексного представления имени-субстантива и имени-атрибута. При этом форма *родну* синтагматически связана в языке, а следовательно и в стихотворении Степановой, с фольклорным сочетанием *на родну сторонушку*. Только в этом фольклорном клише прилагательное метафорично в большей степени, чем у Степановой, и поэтому в стихотворении наглядно проявляется свойство синкретичного имени, описанное А. А. Потебней: «существительное, т. е. (первонач.) название признака вместе с субстанцией, которой и приписываются и другие признаки, ближе к чувственному образу» (Потебня 1968: 60).

Но все же у Степановой в этом тексте наблюдается скорее ситуация максимально приближенная к синкретизму, чем настоящий синкретизм. В современной поэзии встречается немало текстов, в которых синкретизм гораздо более отчетлив.

¹² Кривулин 2017: 56–57.

¹³ Степанова 2001-а: 51. В атрибуции текстов здесь и далее косая черта отделяет название стихотворения от названия цикла, в который оно входит.

Совмещенная грамматическая полисемия и омонимия

Совмещенная грамматическая полисемия и омонимия – частое явление в современной поэзии.

Так, например, различие между прилагательным и существительным нейтрализуется в тексте Виктора Сосноры:

Вот мы вдвоем с тобой, Муза,
мы – вдовы.
Вдовы наш хлеб, любовь, бытие, —
бьют склянки!
В дождик музы́к, вин, пуль,
слов славы
мы босиком! – вот! – вам! —
бег к Богу.

Виктор Соснора. «Муза моя – дочь Мидаса»¹⁴.

Слово *вдовы* можно читать в обоих случаях и как существительное, и как прилагательное. Тире между словами *мы* и *вдовы* не препятствует восприятию слова как прилагательного, потому что этот знак между подлежащим и сказуемым – обычное явление в поэзии XX века, особенно у Цветаевой, влияние которой на Соснору весьма значительно. Обратим внимание на то, что конструкции, воссоздающие условия для синкретического обозначения предмета и признака и для нейтрализации грамматического рода (в строке *Вдовы наш хлеб, любовь, бытие*), помещаются в контекст со словами *Бег к Богу*, то есть на сюжетном уровне речь идет о приближении к смерти как о возвращении к исходному состоянию, к творящему началу (*В дождик музы́к, вин, пуль, слов славы / мы босиком!*).

В стихотворении Александра Кушнера «Водопад» есть строки с неопределенной частеречной принадлежностью слов *однолюб* и *нелюдим*:

Чтобы снова захотелось жить, я вспомню водопад,
Он цепляется за камни, словно дикий виноград,
Он висит в слепой отчизне писем каменных и книг, —
Вот кто все берет от жизни, погибая каждый миг.
<...>
Пусть церквушка на церквушке там вздымаются подряд,
Как подушка на подушке горы плоские лежат,
Не тащи меня к машине: **однолюб и нелюдим** —
Даже ветер на вершине мешковат в сравненье с ним!

Александр Кушнер. «Водопад»¹⁵.

Если в русском языке имеются и существительное *нелюдим*, и омонимичное ему краткое прилагательное, а слово *однолюб* вне контекста воспринимается как существительное, то в конструкции, объединившей эти слова как однородные члены предложения, каждое из слов распространяет свои признаки на другое. Грамматическая двойственность (или диффузность)

¹⁴ Соснора 2006: 570.

¹⁵ Кушнер 1991: 58.

этих слов дополняется неопределенностью их смыслового отнесения к субъекту. *Однолюбным* и *нелюдимым* (*однолюбом* и *нелюдимом*) здесь можно считать и водопад, и ветер, и субъект «я».

У Бахыта Кенжеева обнаруживается грамматическая двойственность слова *членистоног*:

И покуда Вакх, нацепив венок,
выбегает петь на альпийский луг —
из-под рифмы **автор, членистоног**,
осторожным глазом глядит вокруг.

*Бахыт Кенжеев. «Седина ли в бороду, бес в ребро...»*¹⁶.

С одной стороны, основа этого слова побуждает видеть здесь краткое прилагательное, так как омонимичного существительного в общеупотребительном языке не имеется, а прилагательное *членистоногий*¹⁷ есть. С другой стороны, в языке есть существительное *осьминог* при отсутствии современного нормативного прилагательного **осьминогий*. Отнесение слова *членистоног* к автору, помещение этого слова в позицию уточняющего и, главное, обособленного члена предложения сообщает слову характер синкретического имени, находящего поддержку в словообразовательной аналогии.

Слово *осьминог* тоже становится прилагательным, при этом оно отнесено к восьминогую пауку, то есть при изменении грамматической принадлежности слова расширяется его значение. В том же тексте грамматически двойственно и слово *истерик*:

Пока не требует па́ука
к священной жертве Аполлон,
его пример другим наука,
а третьим, блин, оксюморон,
<...>
Как **осьминог** он, неудобен,
истерик, мух и бородат,
как вою глас его подобен,
как слюни брызгами летят

*Владимир Строчков. «Пока не требует наука...»*¹⁸.

Александр Левин употребляет прилагательные *одинок*, *черноок*, выполняющие предикативную функцию, в синтаксическом параллелизме и рифменном подобию с существительным *лежебока*. Тем самым создается грамматическая двусмысленность всех этих слов:

Замолчал мужик Вавила.
Говорит ему Людмила:
<...>
Я, Герасим, **одинок**,
я, Герасим, **черноок**
и совсем не **лежебока**,
а не веришь — не женись!

¹⁶ Кенжеев 1993: 66.

¹⁷ Скорее, терминологическое, фразеологически связанное, способное субстантивироваться прилагательное среднего рода: *членистоногое насекомое* → *членистоногое*.

¹⁸ Строчков 2006: 190.

Александр Левин. «Рыбачка и мужик» ¹⁹.

На восприятие краткого прилагательного как существительного влияет рифма:

Возможно ль жить, не положив границы
меж холодом и хрупкой кожей рук?
Страдательная роль певца и очевидца —
озноб души распространять вокруг.

Кто вовлечен в игру – столбами соляными
застыли при обочине шоссе,
но кто промчался – исчезает в дыме
ступицей, искривленной в колесе.

Из этих двух не выбрать **виновата**,
когда я вижу: выбор совершен
помимо них, когда изменой **брата**,
как лихорадкой воздух заражен.

*Виктор Кривулин. «Помимо суеты, где ищут первообраз...» /
«Композиция с городом на побережье и морем»* ²⁰ ;

сам наш **старш** Гавр, сын наш сам **старш**
но ты сам Гавр, ты сам сын наш
спроси, как я сам отыскал
тебя средь скал, пока ты спал
Гавр спал устал, Семён сказал

наш Гавр упал у самых скал
тут спал **установш** сам сын наш **старш**
как вдруг ему стал тут так **страш**
так, ни с чего, ну, ты сам **знашь**
и началось, и мне не жаль
с тех самых пор, ну, эта **блажь**
да сам ты врёшь, ну, вру, а что ж

Света Литвак. «сам наш старш Гавр, сын наш сам старш...» ²¹.

У Дмитрия Бобышева наблюдается синтаксический параллелизм атрибутивных кратких прилагательных с существительным:

И телесная звезда
испускает понемногу
ломоту лучей туда,
по припухлу и отлогу,
по отрогу...

¹⁹ Левин 2001: 132–133.

²⁰ Кривулин 2017: 106–107.

²¹ Литвак 2020: 57.

Дмитрий Бобышев. «Стигматы»²².

В данном случае граница между адъективностью и потенциальной субстантивностью слов *припухлу* и *отлогу* легко преодолевается не только параллелизмом с существительным *отрогу*, но и конструкцией с повторением предлога *по*, расчленяющим предложение таким образом, что определения *припухлу* и *отлогу* заметно отделяются от определяемого *отрогу*. Этой автономности немало способствует и замкнутость прилагательных внутри стихотворной строки. Следовательно, определения, проявляя возможную независимость от определяемого, сами принимают на себя функцию обозначения предмета, то есть приобретают свойства существительных. Обратим внимание на то, что члены рифменной пары *отлогу* – *отрогу* являются квазиомонимами (словами, различающимися одной фонемой). То есть звуковое сходство слов отзывается в стихах не только их семантическим подобием, как это обычно бывает при паронимазии, но и грамматическим.

Все случаи совмещенной грамматической полисемии и омонимии вызывают сомнение в частеречной принадлежности соответствующих слов, и это принципиально важно. Сомнение естественно при синкретическом представлении грамматических значений:

Когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс
перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы
останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его
отнести (Пешковский 2001: 142–143).

Наиболее приближено к древнему синкретизму употребление краткого прилагательного-существительного в позиции подлежащего, например:

Ну когда устанется навсегда
и вода перестанет ждать
и отстанет по берегу молода
за утопленником бежать,
и станет тогда так легко лететь —
как без камня над головой,
как машина падает на Литей...
и шумит летейской травой.

Андрей Иконников-Галицкий. «Лает лампочка, и весь город
спит...»²³;

На фиолетовом лице
Четвертый **седовлас**
Носил морщины мудреца
Свинец храня для глаз

Анри Волохонский. «Дом и река»²⁴;

Сперва как венценосная змея
Смотря со стороны иду к вам я.
Ходя в яйце змеи **пернат** зарытый

²² Бобышев 1997: 104.

²³ Иконников-Галицкий 1998: 13.

²⁴ Волохонский 2012: 220.

Спит – как бы херувим, во мне сокрытый

Анри Волохонский. «Павлин асана»²⁵;

В просторе том предел для ок
Невидим ибо там
Нигде не рдел ни солнца сток
Ни **звездная желта**

Анри Волохонский. «Последняя видимость»²⁶.

Обратим внимание на то, что ударение в авторском неологизме *желта* соответствует употреблению кратких прилагательных в предикативной, а не в атрибутивной функции.

Встретилось и существительное мужского рода *желт*:

Хлебушка краюху мне, черной сладости огней
над летящей в ночь рекой, я и сам еще такой.
Молока, что **солнца желт** разливает цвет парной.
Что ты чертик, что божок, ты сегодня не за мной.

Давид Паташинский. «Хлебушка краюху мне, черной сладости огней...»²⁷.

Краткие прилагательные бывают омонимичны не только существительным, но и наречиям, соответственно в поэзии встречается их синкретическое представление:

свобода, значит... сова, не видя стекла,
ткнется в окно **деревяннo** – и отлетает в угол...
в славянском шкафу, где заперты наши дела
всё еще снится гражданская красная вьюга

Виктор Кривулин. «Сова на шкафу»²⁸.

Следующий пример демонстрирует двойственную грамматическую принадлежность слова в позиции анжамбемана – стихового переноса, когда границы строки не совпадают с границами предложения или синтагмы:

затем приснится солнце **горячо**
роняющее жидкую корону
когда я подошел и тронул
за каменное тонкое плечо

Давид Паташинский. «пришел домой свеча одна горит...»²⁹.

Слово *горячо* здесь можно прочесть и как краткое прилагательное, и как наречие.

На границе строк возможна и потенциальная субстантивация наречия, омонимичного прилагательному:

²⁵ Волохонский 2012: 164.

²⁶ Волохонский 2012: 99.

²⁷ Паташинский 2008-а: 231. Ср.: *Мне мало надо! / Краюшку хлеба / И каплю молока. / Да это небо, / Да эти облака!* (Велимир Хлебников. «Мне мало надо!...»)

²⁸ Кривулин 2001-а: 28.

²⁹ Паташинский 2019-а.

Но с ним хозяин не играет
И в блюдечко не наливает
С бараньим мясом **горячо**
Бурлящее в горшке харчо

*Михаил Крепс. «Русский Пигмалион»*³⁰.

В обоих примерах потенциальная субстантивность слова *горячо* получает сильную рифменную поддержку существительными *плечо* и *харчо*.

Несовпадение ритмической структуры текста со структурой синтаксической является решающим фактором грамматического синкретизма, свойственного слову *тихо* в таком контексте:

У медведихи и ухо
слышит **дышащее тихо**
тёплое, теплее пуха,
эхо —
и лесное мухо,
и заплаканное мыхо
ходят в лабиринтах слуха
в мягких тапочках из меха.

*Екатерина Боярских. «Малая медведиха»*³¹.

Причастие *дышащее* – это слово, которое может активизировать и глагольные, и адъективные свойства. И те и другие оказываются релевантными в пределах строки (*дышащее* [как?] *тихо* и *дышащее* [что?] *тихо*). Приоритетно, конечно соответствующее норме прочтение слова *тихо* как наречия. Однако автор настойчиво вводит в текст существительные на *-хо*: *эхо*, *мухо*, *мыхо*, на фоне которых и слово *тихо* может быть воспринято как существительное.

В другом тексте слова *тихо*, *душно* и *тошно* тоже грамматически двойственны в позиции анжамбемана:

Быт заедало. Тикать
переставал быт,
и становилось тихо
на цыпочки копыт,
подслушивая в отдушину.
Но бил из скважины ключ,
и становилось душно
на корточки, и коклюш
хрипел из петли вязанья,
а в двери, где только мог,
меж тумбочкой и Рязанью
врезался дверной замок,
и становилось **тошно**
навыворот, за порог

³⁰ Крепс 1992: 20.

³¹ Боярских 2009: 65.

Владимир Строчков. «Баллада о проходном дворе» ³².

В сочетаниях *становилось тихо* и *становилось душно* это безличные предикативы (слова категории состояния), а в сочетаниях *становилось <...> на цыпочки, становилось <...> на корточки* – существительные.

Форма *становилось* проявляет себя при безличных предикативах *тихо, душно* как безличный глагол, а при существительном – как личный.

Следующий пример показывает совмещение краткого прилагательного с наречием образа действия:

А на пне ветлуги старой
я сижу с моей кифарой,
и на пенье-ё певуче
всяка тварь слетает тучей.
И пока звучит струна,
я даю им имена.

Александр Левин. «Орфей» ³³.

Компаратив прилагательного в пределах строки преобразуется в компаратив наречия:

душа —
бомж, а бомж, он все-таки карлсон
<...>
И чердак его все никчемней,
все дырявей крыша, все шире
щели в окнах, **ветер все зверче**
задувает в них – эй, съезжай!

Надя Делаланд. «Не забыть бы вспомнить сказать...» ³⁴.

Мария Ватутина превращает прилагательное в существительное орфографически и акцентологически:

В усыпальнице чугуновой заказной,
Под лампадами, вмененными казной,
Под стеклом, под целовальным, под парчой,
Обрамленные молитвой **горячой**,
Словно всё еще под Тихвинской в строю,
Два монаха спят, убитые в бою.

Мария Ватутина. «Старое Симоново» ³⁵.

Существительное-неологизм *лишнями* у Гали-Даны Зингер словообразовательно соотносено со словами *лишнее, лишиться, лишение*, а фонетически (рифменно) – со словоформой *вишнями*:

³² Строчков 1994: 156.

³³ Левин 2001: 42.

³⁴ Делаланд 2009: 182.

³⁵ Ватутина 2016: 258.

каперсник хватает за рукав, тянет за подол:
тетя! тетя!
связист ежевика
оплетает колючей проволокой
школьный двор.
LOVE процарапано на лавочке
чему там еще быть, казалось бы,
а там еще много всякого процарапано,
и это уже лишнее.
но его не лишишься.
и занозы. занозы – самое главное, поют в красном сердце
черного сердца на 78 оборотах,
заедавая красно-черными **лишнями**
под клешней патефона памяти.
лишнями назову терновые ягоды.
терновник – лишение.

Гали-Дана Зингер. «неказист и смиренен»³⁶.

У Светы Литвак в нарочито аграмматичном тексте с сочетаниями *на шлёпанец босой* <...> *на шлёпанце босым* <...> *со шлёпанцем босом* последнее из них содержит прилагательное с окончанием существительного:

затравленная Оля **на шлёпанец босой**
пример из математики из десять вычесть ноль
на швето отвечает ей Ута и Аны
цени часы работы упорною больной
дороже, чем из десять, тебе не вычесть ноль
на десять длинных зубьев кто быстро устаёт
на длинной рукояти насаживает ноль
но маловероятно, что это совпадёт
поэтому ответа тебе не видно, Оль!

затравленная Оля **на шлёпанце босым**
плетётся неучёная, пример ей не решён
впусти меня, я – десять, – такой ей слышен стон
на это отвечает ей Ута и Аны
я верю, тем не менее, что всё наоборот
не десять умирает, а ноль его умрёт

затравленная Оля **со шлёпанцем босом**
смотрела виновато на Ута и Аны
пошла и разменяла десятку на рубли
за два рубля – корзина, за три рубля – штаны
и пять рублей заставила взять Ута и Аны
не говори как прежде про десять и про ноль
ответ хоть и неправилен, но адекватен он

³⁶ Зингер 2013: 84.

*Света Литвак. «затравленная Оля на шлёпанец босой...»*³⁷.

Сергей Бирюков помещает слово *лопата* в такой контекст, в котором это существительное в параллелизме со словом *мохната* тоже может читаться как краткое прилагательное:

середина снега
„
ветка мохната
тень **лопата**

*Сергей Бирюков. «Капли № 2»*³⁸.

У современных поэтов нередко встречаются контексты, в которых нейтрализуются различия между глаголами прошедшего времени, краткими прилагательными и наречиями, что легко объясняется происхождением этих форм глагола из перфективного причастия. Разнообразные примеры такого словоупотребления приведены в книге: (Зубова 2000: 244–256). Здесь ограничусь тремя примерами, не вошедшими в книгу:

Вином кокетливым распахивая грудь
я начинал Весну. Была опасна поступь.
Заметней тень и говорливей роспись,
когда явился долгожданный призрак
и Сон **застыл**, тяжел, гремуч, как ртуть...

*Петр Чейгин. «Природное явление Любовь...» / «Сольфеджио»*³⁹ ;

Яблоку некуда падать,
яблоко стоя заснуло,
в яблоке том червячок,
в белой пушистой пижамке,

в яблоке домик прекрасный,
солнышко алое светит,
некуда, некуда падать,
стоя заснуло, устало.

*Давид Паташинский. «Яблоку некуда падать...»*⁴⁰ ;

Тихий из стены выходит Эдип,
с озарённой арены он смотрит ввысь,
как плывёт по небу вещунья-сфинкс,
смертный пот его еще не прошиб.

Будущий из стены выходит царь,
чище плоти яблока его мозг,

³⁷ Литвак 2020: 132.

³⁸ Бирюков 1997: 4.

³⁹ Чейгин 2007-а: 85.

⁴⁰ Паташинский 2013: 29.

как зерно проросший, ещё **не промозгл**
мир, – перстами его нашарь.

Владимир Гандельсман. «Тихий из стены выходит Эдип...» ⁴¹.

У Петра Чейгина потенциальная адъективность формы прошедшего времени *застыл* проявляется и активизируется в перечислительном ряду с полноценными прилагательными. Подобие поддерживается и совпадением конечного согласного звука в словах *застыл* и *тяжел*, у Давида Паташинского форма *устало* проявляет себя как возможное наречие образа действия в параллелизме с деепричастием *стоя*.

В тексте Владимира Гандельсмана адъективность формы *промозгл* поддерживается употребительным полным прилагательным *промозглый*, а от глагола *промозгнуть* в норме образуются малоупотребительные формы *промозг* и *промозгнул*. Суффикс бывшего перфективного причастия -л после согласных, например в таких словах, как *мог*, *промок*, *пёк*, свойствен древнерусскому языку (*моглъ*, *промоклъ*, *пеклъ*).

Поскольку глаголы прошедшего времени могут довольно легко становиться прилагательными, а прилагательные существительными, возможна и непосредственная субстантивация глаголов, как, например, у Сергея Петрова, Иосифа Бродского, Александра Левина ⁴²:

Не я, не ты, не он, а просто **было**,
как вдоль судьбы шагающее было.
Хоть бы брылы развесившее рыло!
Нет, просто **было**, и оно обрыдло.
Давно уже ушли до ветру жданки,
все данные собрали да и в печь!
И Было вонькое хоронят по гражданке,
И Былу не дадут подонки в землю лечь.
И поют подонки,
голосочки тонки,
Семки, Тоньки, Фомки,
милые потомки:
Ходи изба, ходи печь!
Былу нету места лечь.
(А следовательно, требуется сжечь,
и вместе с рукописями!)
В гробу везут **чудовищное Было**,
помнившееся над единым и одним.
И чья-то речь стучит-бубнит над ним,
как будто сей звонарь колотит в било.

Сергей Петров. «Надгробное самословие. Фуга» ⁴³ ;

«И он ему **сказал**»

<...>

«**Один сказал другой сказал** струит»

⁴¹ Гандельсман 2015: 108.

⁴² Другие примеры, в частности, из поэзии Иосифа Бродского, Анатолия Наймана, Виктора Кривулина см: Зубова 2000: 251–253.

⁴³ Петров 2008-б: 379.

<...>
«И он сказал». «**Но раз сказал – предмет,**
то так же относиться должно к он'у».
<...>
«Где? В он-ему-сказал'е или в он'е».
<...>
«Лишь в промежутках он-ему-сказал'а».
<...>
сказал'ом, наподобие инцеста».
<...>
И Он Сказал носился между туч
<...>
«О как из существительных глаголет!»

Иосиф Бродский «Горбунов и Горчаков»⁴⁴ ;

Больше жизни и ярче брызны
полюбил твоих серых глаз
утолил твоих тёплых уст
утонул лебединого тела
щекотал непослушных ресниц
пробежал незаметных часов
шелестел заоконной листвы

тише мыши и выше крыши
улетел моей головы

Александр Левин. «Больше жизни и ярче брызны...»⁴⁵.

В следующем тексте слово *было* может быть понято и как глагол, и как краткое прилагательное, и как существительное:

человеческое тело
не расходится как мыло
в напмаженной воде
оно никогда **не бывает было**
оно всегда сейчас и где

Мария Степанова. «человеческое тело...» / «Война зверей и животных»⁴⁶.

А в тексте Николая Голя слово *были* как существительное и как глагол вполне могут меняться местами в восприятии читателя:

Высокое искусство романтизма
не жаловало низменных примет.
Какие были, черт возьми их, были!

⁴⁴ Бродский 1992-6: 127.

⁴⁵ Левин 2001: 75.

⁴⁶ Степанова 2017: 400.

Какой вскипал и разгорался пыл!
...Все знают – обокрали и побили.
Романтик говорит, что – прокутил.

Николай Голь. «Романтизм»⁴⁷.

⁴⁷ Голь 1994: 10.

Синкретичное имя как результат обратного словообразования

Многие поэты извлекают синкретическое имя или непосредственно существительное из совокупности современного прилагательного и древнего имени, застывшего в идиомах, наречиях, безличных предикативах. В стихах появляются разные падежные формы существительных *пусто* (← *попусту*), *поздно* (← *допоздна*), *светло* и *светла* (← *засветло*), *темно* (← *затемно*), *давно* (← *издавна*), *сухо* (← *досуха, насуха, посуху*) и т. п.:

Всё – блажь ночей, причуда их, загадка.
До слабого рассветного поздна
творится, при мерцании огарка,
печальное признание письма.

*Белла Ахмадулина. «Глубокий обморок»*⁴⁸ ;

подарю тебе солнце и звезды
и старый сундук
где хранится **прекрасное поздно**
и золотое вдруг

*Давид Паташинский. «мое дорогое»*⁴⁹ ;

Заветный дом – **светло заморожено**
От крыши тень – крылом. **Стучу в светло**
перепелом – там ждут меня давно —

Ноэtoneвозметoneвозмо!.....
На дверь и стены зырит как в трюмо —
и там – я сам – портрет и натюрмо

*Генрих Сапгир. «Бутырская тюрьма в мороз» / «Генрих Буффарёв. Терцихи»*⁵⁰ ;

Бумага стерпит и не то. Позор забудется под утро.
Заснет, согнувшись у стола, печальный кукольник забав.
Сложилось в землю шапито. Луна, забытая, как кукла,
плеснет **хрустального света**, дорогу солнцу угадав.

*Давид Паташинский. «Бумага стерпит, люди – нет. Еды
осталось на неделю...»*⁵¹ ;

Лишь ты вздохнешь украдкой

⁴⁸ Ахмадулина 2012: 474.

⁴⁹ Паташинский 2008-б: 45.

⁵⁰ Сапгир 2008: 280.

⁵¹ Паташинский 2008-а: 344.

С чужого высока

В ответ на чуждый стон.

*Сергей Вольф. «Остаточная грусть...»*⁵².

В подобных, достаточно многочисленных случаях обратного словообразования (редеривации) невозможно и не нужно искать единственную мотивирующую основу неологизма, производящего древнее синкретичное имя. Авторское преобразование формы не просто происходит на фоне всей парадигмы, хотя бы и дефектной, но и восполняет эту парадигму. Поэты частично достраивают разрушенные парадигмы, осколки которых сохранились только в наречиях:

– Нельзя разрушать искусство,
душе пустотой грозя!
– Тогда покажите **пусто**
и дайте мне что нельзя!

*Михаил Яснов. «Памяти Олега Григорьева»*⁵³;

Сад стоит ногами на кровати – веки стиснув, руки – на перильца,
Одеялко на потлевшей вате в тесную решетку утекло.
Никуда не дернуться дитяте обмершего града-погорельца,
Никому не отольется в злате вечное **повапленное тло**.

*Олег Юрьев. «Песня»*⁵⁴;

Костер сгорел дотла, и **тло**
хранило ровное тепло.
Сквозь тонкий куполок тепла
роса осенняя текла.

*Михаил Дидусенко. «Костер сгорел дотла, и тло...»*⁵⁵;

всё из каменного пара, всё из ртутного стекла...
нерушимое упало, пылью музыка всплыла, вся
из дышащего тела, из эфирных кристаллид – вся
свернулась и истлела, только музыка стоит, вся
из тучного металла, вся
из выпуклого тла...

...содрогнулась и упала, только музыка: ла ла

*Олег Юрьев. «всё из каменного пара, всё из ртутного стекла...»*⁵⁶;

⁵² Вольф 2001: 20.

⁵³ Яснов 2017: 288.

⁵⁴ Юрьев 2004: 160.

⁵⁵ Дидусенко 2006: 16.

⁵⁶ Юрьев 2004: 183.

Синеет тьма над городом моим,
спокоен вечер, небо звездно,
ушел домой усталый элоим
настало **поздно**.

Давид Паташинский. «Вели меня поднять над мостовой...»⁵⁷ ;

Из губы прокушенной сочится
розоватым **мартовским светлом**
алый рыбий глаз растенья-птицы,
вдвое увеличенный стеклом

Валентин Бобрецов. «Белый голубь свежести не первой...»⁵⁸ ;

На высоком моральном холме
мелкотравчатый выткан узор:
тут гвоздичка, там папороть нежный,
здесь торшер окружает **светлѐм**
исторически-алые мальвы

Линор Горалик. «На высоком моральном холме...»⁵⁹ ;

Солнечные капли часов,
звездные секунды света,
черные, оранжевые,
догорят дотла.

Давид Паташинский. «Сладкое вино тростника...»⁶⁰ ;

Пока пишу я, оживаю, меня танцует Саломея,
ее **светла сторожевая**, еще, еще как я умею,
но вот сегодня не могу, как кровь на утреннем снегу,
как солнце в мясе переплета бескнижных, страшных облаков,
как глаза выпитая сота, как перекрестие полета,
как судорожно звал кого-то из комнаты для стариков.

Давид Паташинский. «Пока пишу я, оживаю, меня танцует Саломея...»⁶¹ ;

Три кресла, стол, диван за ловлею рубина
участливо следят. И слышится **в темне**:
вдруг вымыслом своим, и только, ты любима?
довольно ли с тебя? не страшно ли тебе?

⁵⁷ Паташинский 2008-а: 54.

⁵⁸ Бобрецов 2013: 95.

⁵⁹ Горалик 2019: 37.

⁶⁰ Паташинский 2008-а: 262.

⁶¹ Паташинский 2008-а: 37.

Белла Ахмадулина. «Дворец» ⁶² ;

Отчего ты только створочка,
а не целое окно,
отчего ты только шторочка,
а не **целое темно?**

Игорь Булатовский. «Скворушка» ⁶³ ;

В пустоте жилья
я привык **к** давну,
и не те же ль я
дни за хвост тяну?

Сергей Петров. «В пустоте жилья...» ⁶⁴ ;

В отношении бедности духа
Тот поэт, что взирает с высот
На непаханность **чуждого суха**
Это, прямо сказать, – идиот.

Константин Рябинов. «Рассказ» ⁶⁵.

На прочтение безличного предикатива как краткого прилагательного может влиять порядок слов:

Там будто все время идет дождь
или снег. **И время все темно.**
И ты там никуда не идешь,
а все смотришь время в окно

Игорь Булатовский. «Там будто все время идет дождь...» ⁶⁶.

При обычном порядке слов во фразе *всё время темно* тоже, конечно, можно понимать слово *темно* как определение к слову *время*, но инерция восприятия сочетания *всё время* как обстоятельства, синонимичного наречию *всегда* (а именно такую функцию оно имеет в первой строке приведенного фрагмента), все же диктует, что *темно* – безличный предикатив. Инверсия *время всё темно* существенно меняет восприятие.

В ряде случаев возникает вопрос: почему поэтам недостаточно тех признаков существительных, которые имеются в общеупотребительном языке – Ахмадулиной не подошло нормативное слово *темнота*, Яснову и Бобышеву — *пустота*, Рябинову – *сухость*, Волохонскому – *желтизна*? Вероятно, причина здесь обнаруживается не только в производности (исторической вторичности) нормативных слов, но и в их словарной определенности, в самом факте фиксированного абстрактного значения, а также в том, что словарные существительные

⁶² Ахмадулина 2012: 346.

⁶³ Булатовский 2013-а: 127.

⁶⁴ Петров 2008-б: 394.

⁶⁵ Рябинов 1994: 295.

⁶⁶ Булатовский 2019: 162.

частично утратили живую связь с прилагательными. На эту мысль наводит словоформа *светлам* из стихов Бобрецова: автору понадобилось заменить исторически первичное непроемное слово *свет* суффиксальным, содержащим элемент прилагательного. То есть поэтам понадобилось именно синкретичное обозначение предмета и признака.

Наиболее выразительны примеры синкретизма в таких контекстах, в которых нельзя однозначно определить часть речи.

Например, у Всеволода Некрасова:

За окном зима
Зеленая мгла
Сколько ты зима всего намела

Намела накрутила невпроворот

**В комнате тепло
В окне стекло**

Окно не окно
А прямо кино —

Ничего не понятно

*Всеволод Некрасов. «Ночью электричеству не спится...»*⁶⁷.

Строки *В комнате тепло / В окне стекло* позволяют видеть в слове *тепло* и безличный предикатив, и существительное (в параллелизме со словом *стекло*, если его воспринимать как существительное). Но слово *стекло* читается и как безличный глагол. Примечательно, что в этом тексте появляется сентенция *Ничего не понятно*.

У Владимира Строчкова в строке *где темно в углу* — на фоне отчетливых существительных, образованных транспозицией безличных предикативов:

Ночью время тихое
тюкает в стекло.
Сколько там натикало,
сколько натекло,

горстку ли накрапало,
налило с ведро,
чтобы там **на краткое
набралось светло.**

Тьма густеет, тянется,
вязнет на полу,
даже днем останется,
где темно в углу,

по полу, по стеночке
как там не тяни,

⁶⁷ Некрасов 2012: 517.

тенькая застенчиво,
стянется в тени —

и темнит, и копится
лужицей **темна**,
сохнуть не торопится
тёмная стена;

а **светло летучее**,
веселящий газ,
с первой темной тучею
вытекает враз.

А пока по капельке
в тонкое окно,
в дом бессрочной каторгой
цедится темно,

и, пугаясь тиканья,
съёжилось тепло.
Ночи время дикое
тычется в стекло.

*Владимир Строчков. «Ночью время тихое...»*⁶⁸.

У Игоря Булатовского в строке *и цветно у нас темно* слова *цветно* и *темно* могут читаться и как существительные-субъекты, и как краткие прилагательные-предикаты:

Хлоп – и сложены давно
бабочкины маслбойки,
и цветно у нас темно
в тонком воздухе прослойки.
Кто там глубже ни вздохнёт,
все чешуйки перепишет, —
останется лишь тот,
кто последних передышит.

*Игорь Булатовский. «Ква?»*⁶⁹.

Наличие в современном языке наречий типа *досуха*, *затемно*, *попусту* не является обязательным условием для преобразования наречия или безличного предикатива в существительное:

С близка глядя на животное,
Вдруг чувствую восторг
(Будто кончился срок) —
Грива искрящейся кошки
Похожа на Нью-Йорк.

⁶⁸ Строчков 2018: 420.

⁶⁹ Булатовский 2009: 86.

Елена Шварц. «Волосоведение Vision»⁷⁰ ;

Агапе без эроса – **экое скучно...**
Наверное, это не для человека.
Безбожно-безножно, ненужно-недужно
ты стал мне духовной любовью-калекой

Марина Матвеева. «Love sapiens»⁷¹ ;

...Но к вечеру
в кастрюле тесто
Аби замешивала. Как
потом всю ночь в теплице кухни
под крышкой **начиналось тесно!**..
А волосинки на руках,
что сабли – вспыхивали, тухли.

Санджар Янышев. «Аглая»⁷².

⁷⁰ Шварц 1998: 10.

⁷¹ Матвеева 2019: 38.

⁷² Янышев 2010: 187.

Авторские полные прилагательные, образованные от существительных

Не менее интересным явлением воссоздания именного синкретизма является процесс, имеющий противоположную направленность. Если предыдущие примеры показывали разные пути и результаты ретроспективной субстантивации (деадъективации и деадвербиализации), то следующая группа примеров демонстрирует преобразование не признаков, а предметных существительных в прилагательные. При этом трансформация осуществляется прибавлением к существительным адъективных флексий, но не суффиксов прилагательных:

Звериный зверь идет, бежит
И **птица птица** летит
И камень каменный лежит
Стоячий воздух все стоит

Дмитрий Александрович Пригов. «Звериный зверь идет, бежит...»⁷³ ;

Уходит на запад кудаблин-тудаблин,
спокоен, взволнован, упрям и расслаблен.
<...>
Он слёзы глотает, он бодро смеётся,
как **птица птица**, душа его мнётся

Александр Левин. «Уходит на запад кудаблин-тудаблин...»⁷⁴ ;

Вот Вам. Вы одни. **Вы куклая**. Вы просыпаетесь сквозь сито.
Я Вас собираюсь есть. Я хлеб.

Ян Невструев. «Море лежало широко...»⁷⁵ ;

Чудесно – в гроб меня улечь!
Твоя мечта, о том и речь,
должна цвести, ронять кирпич,
когда иду я челку стричь.
Ах, ты мой зайчик, **друг поэтый**,
сто лет живи с мечтою этой,
не мрачен будь и не болей, —
с такой мечтою жить светлей,
налей мне кофе с мышьяком,
с мечтой о чем-нибудь таком...

Юнна Мориц. «Серенада»⁷⁶ ;

⁷³ Пригов 1997-в: 63.

⁷⁴ Левин 2001: 64.

⁷⁵ Невструев 1997: 52.

⁷⁶ Мориц 2000: 99–100.

Он падлой женщиной рожден
в чертоге уксуса и брома.
Имелась в тюфяке солома.
Имелся семикратный слон.

Александр Левин. «Новая история»⁷⁷ ;

Ужасна месть слепой природы
Какой-то осьминогий спрут
Уже разводит огороды
Там где сверкал зубов редут

Анри Волохонский. «Эгей»⁷⁸ ;

Увозил бы в лес бианок,
беатричей самых разных,
и катал бы **их, гондолых,**
распевая кватроченту

Андрей Воркунов. «Увозил бы в лес бианок...»⁷⁹ ;

Куколка ты моя, куколь, чучелко, человечико,
неприличико, величинка, тоlikое околичие,
буква «зю» моя, зюзелица, символичико,
недотыкомка-жуколица, ногомное многотычие,

стой на слове своем, многорушно наступай
на **горлó буты́лое**, бóтлое собственно песне,
на язык-миногу. Светлый сказочный расстебай
испечешь и язык проглотишь. Хоть тресни,
насухую стой на слове своем, пускай свое место знает,
пусть хоть сдохнет, но помнит, кто в доме его хозяин.

Владимир Строчков. «Куколка ты моя, куколь, чучелко, человечико...»⁸⁰ ;

о, глаз, разглазься до очей
лицо – вломись в себя до лика
прорвись до дьявола, о бог
себя листая до
до крика черт обезкаликих
калеких черт

⁷⁷ Левин 1995: 75.

⁷⁸ Волохонский 2012: 88.

⁷⁹ Воркунов 1995: 52.

⁸⁰ Строчков 2006: 198.

Владимир Климов. «О, глаз, разглазься до очей...»⁸¹ ;

Удобрай свой мартиролог, мальчик:
пусть растёт развесистым и **КЛЮКВЫМ**,
чтобы, знаешь, эдак сесть в тенёчке
среди тех, кто сраму не имеет,
чтобы эдак ягодкою кислой
закусить того, кем закусилось
пополам с каким-то серым хреном
под холодным небом Вустерлица.

Линор Горалик. «Удобрай свой мартиролог, мальчик...»⁸² ;

Часторастущий, **тыщий**, трущий глаз
прохожему осенний лес, —
вот клёкот на его сквозной каркас
летит с небес,
вот некий профиль в нём полудивясь
полуисчез.

*Владимир Гандельсман. «В полях инстинкта, искренних, как
щит...»⁸³ ;*

Все кошки **кошие**, все кошки хорошие,
а это мёртвая кошка, эта вот кошка мёртвая,
она говорит спасибо, лежит красиво.

Екатерина Боярских. «Мёртвая кошка»⁸⁴ ;

Жираф-гумилефф из Африки заглянет в лицо лазурное,
в ночные зрачки подвижные, в двоящийся трепет век,
и скажет «привет» приветливо, с во рту полуголой веткою,
пятнистый, как все **жирафые**, улыбчивый человек.

*Надя Делаланд. «Вздохмаченную и сонную, прошедшую мимо
зеркала...»⁸⁵ ;*

Это **ряское** рябое,
почти болотца,
стало мне дорогое
воды лицо.

⁸¹ Климов 1994: 13.

⁸² Горалик 2019: 34.

⁸³ Гандельсман 2015: 217.

⁸⁴ Боярских 2009: 103.

⁸⁵ Делаланд 2009: 13.

*Ирина Машинская. «Заводь»*⁸⁶;

Когда мы были как привив...
Мы были как прививки оспы
И кожиц наших некрасив
пейзаж шероховат и рыхл
как апельсин в презерватив
свалилось солнце **в мглу**ю осень.
Испуг погас, застыв как гипс.
Мы стали то ли писком, то ли
терпением. Неминуем смысл.

*Алина Витухновская. «Скрипит костями черный город...»*⁸⁷.

В игровом тексте Ольги Арефьевой прилагательные из существительных получают при обмене слов слогами:

Собачка колбасатая,
Вернее, полосатая,
А с ней **пятниска кисая**
(ну вот – наоборот!)

Обедали мясисками,
Вернее, колбасисками,
И невозможно высказать,
Как было вкусно им!

Кормил их **дедый седушка**
(опять я что-то путаю!),
Зелёнка травенелася,
И пахло чесноком.

На лизыке растаяли
Куски собачьей радости...
Но тут мясиски кончились —
И сказочке конец!

*Ольга Арефьева. «Сказка про мясиски»*⁸⁸.

Окончание прилагательного добавляется даже к неопределённому местоимению *нечто*, к архаическому союзному слову *иже*:

Вечером нечего,
Речка нейдёт в ведро.
Вечево во облацех,
нечтое вечеро.

⁸⁶ Машинская 2013: 68.

⁸⁷ Витухновская 2019.

⁸⁸ Арефьева 2014: 128.

*Олег Вулф. «Путник»*⁸⁹;

Не белые и не рыжие,
в крепких ладошках, **ижие**,
сжимающие апачики
так, что белеют пальчики.
апачики раздающие,
бьющие, хоть не бьющие,
коляны, колоны, клоуны,
на досочках намалеваны,
линялые распальцовщики,
несбывшиеся дрессировщики.

*Игорь Булатовский. «Афиша»*⁹⁰.

Следующий пример буквально воспроизводит механизм образования полного прилагательного (причастия), хотя окончание *-я* здесь не артиклевое происхождения, как в древности, а сначала является результатом ритмического акцентирования слова, а затем то же звучание дублируется личным местоимением:

Карамелизированный мир!
Тайные конфеты-карамели.
Мой пресладкий-сладкий-сладкий пир
В радостной конфетной карусели!

Карамелизованна-я – Я! —
Сладкая-пресладкая конфета —
Я – в обёртке – золотиста-я – Я,
Как в лучах полуденного света!

И возможно, я – уже не я...
Исчезаю с карамельным стоном...
Там, в Конфетной вазе Бытия,
Я откликнусь карамельным звоном!

*Людмила Осокина. «Карамелизированный мир...»*⁹¹.

⁸⁹ Вулф 2010: 109.

⁹⁰ Булатовский 2013-а: 177.

⁹¹ Осокина 2010: 13.

Авторские формы сравнительной и превосходной степени, образованные от разных частей речи

Именной синкретизм проявляется и в том, что сравнительная степень образуется от существительных. А. А. Потебня приводил примеры образования компаративов непосредственно от существительных: *бережее* (от *берег*), *скотее* (от *скот*), *зверее* (от *зверь*) и объяснял это тем, что в древнерусском языке «существительное, будучи названием определенной субстанции, было в то же время качественнее, чем ныне» (Потебня 1968: 37).

У современных поэтов подобных примеров очень много:

Колю дрова
напротив бензоколонки.
Меня смущает столь откровенное сопоставление
полена, поставленного на попа,
и «кола» в «колонке».
Я пытаюсь вогнать между ними клин,
я весь горю,
размахиваюсь,
химичу:
— Дровоколонка! —
Но с каждым ударом меня сносит влево,
и я становлюсь **все дровее и дровее**.

Александр Еременко. «Колю дрова...»⁹² ;

время уйдет само,
осень нигде зимой,
осень в зиме гниет
листьями, пнями, йод
пахнет, покуда снег
скажет ему: Бог с ней,
с осенью, так – **весней**...

Надя Делаланд. «Город совсем другой...»⁹³ ;

А последний сойдёт покров
тёплых ледников,
ещё утренних снов **весней**,
свет-Никита за ним, за ней.

Ирина Машинская. «К полюсу»⁹⁴ ;

лезут подгоревшие сумерки

⁹² Еременко 1999: 20.

⁹³ Делаланд 2005: 95.

⁹⁴ Машинская 2013: 71.

ещё **морей**
ещё **ветрей**
ещё **горей**
куда уж

Наталия Азарова. «перед судом непогодово...»⁹⁵ ;

Вот скульптор ваяет большого солдата
Который как вылепится – победит
Чего ему скульптору больше-то надо
А он уже в будущее глядит

И там представляет другого солдата
Поменьше, но и со звездой на груди
Еще там такая же женщина рядом
Что глиняного им дитятю родит

И так заживут они не **сиротее**
До вечности предполагая дожить
А глядь – у творца уж другая затея
И в глиняной яме их прах уж лежит

Дмитрий Александрович Пригов. «Вот скульптор ваяет большого солдата...»⁹⁶ ;

Под Москвой,
Под землей Москвы,
Тоже дома, водоемы, остановочки и рвы.
<...>
Над метро
Есть еще **метрей** —
Много выше и устроено значительно хитрей —
С поездами многоконными, со стеклянными вагонами.

Мария Степанова. «Что помяни...»⁹⁷ ;

Москва! Исчадие азарта!
Арбат **монмартрее** Монмартра!
Кому портрет за 10 рэ?
Кому —
поэт на фонаре?

Евгений Бунимович. «Москва! Исчадие азарта!...»⁹⁸ ;

⁹⁵ Азарова 2019: 120.

⁹⁶ Пригов 1997-а: 97.

⁹⁷ Степанова 2017: 232–233.

⁹⁸ Бунимович 1989: 37.

Запустение тихих садов
В позднем солнце еще золотее,
Аромат неотцветших цветов
Майского **сентябрее**.

*Дарья Суховой. «еду я в никуда из нигде...»*⁹⁹ ;

Непотребная тварь, я молчу, опускаю глаза,
опускаю слова, от которых глаза опускают,
отпускаю тебя – это отпуск, каникулы, зал
аплодирует мне, я сегодня играю, как в сказке,
и чем дальше, тем **волче, волчее, зубее, глазей**
опускаю глаза, потому что в них отсветы пляшут
этой яростной лжи, разрывающей собственный зев,
потому что здесь страшно, как в сказке про красненьких пашек.

Надя Делаланд. «Непотребная тварь, я молчу, опускаю глаза...»
¹⁰⁰ ;

Если бы все так думали, то было бы у нас царство мёртвых.
Чем мертвее мы, тем **церквее** земля.
Царствие Небесное – покойникам;
нам – внутри нас.

*Евгений Хорват. «Если ты умрёшь, – песня поёт...»*¹⁰¹.

Согласно исследованию, выполненному Е. О. Борзенко, в современном русском языке начиная с 90-х годов XX века подобные компаративы очень активны в интернет-коммуникации, в художественной литературе, публицистике, разговорном языке, детской речи (Борзенко 2012; Борзенко 2018)¹⁰². Причем нередко встречается сравнительная степень не только существительных, но и местоимений, числительных, причастий, даже глаголов и служебных частей речи (Борзенко 2018)¹⁰³.

Примеры нестандартной сравнительной степени от разных частей речи, уподобленных существительным или прилагательным, из современной поэзии:

А там – что же там... там одно никогда —
такая пустая идея!
Вертятся колёса, струится вода —
и мельница жизни поёт никогда, —
куда же ещё **никогдее**?

⁹⁹ Суховой 2009: 26. Анализ текста см.: Бабенко 2019: 157.

¹⁰⁰ Делаланд 2009: 94. Анализ текста см.: Бабенко 2019: 157–158.

¹⁰¹ Хорват 2019.

¹⁰² Примеры существительных в сравнительной степени из статьи Е. О. Борзенко: *целтрее, звездее, ведьмее, жизнее, травее, змее, докторее, углее, рыбее, ветрее, сахарее, пчелее, метрее, соснее, гуглее, дылдее, журналистее, водее, небее, мымрее, землее, кремлее, орлее, гитлерее, сухарее, принцессее, ишаврее, брежневее, побочее, хлебее, мерседесее, пылесосее, сентябрее, лунее, портнее, лесее, кэзбее, морее, озерее, сталинее, мавзолее, арбатее, декабрее, мясее, яндексее, ноябрее, солее, чаее* (Борзенко 2012: 13).

¹⁰³ Некоторые примеры Е. О. Борзенко: *Я хотее всех хочу!; около нуля, и чем точнее ... тем околее нуля; увее – ещё увее!!!* (Борзенко 2018: 16).

Евгений Клюев. «А там – что же там... там одно никогда...» ¹⁰⁴ ;

и вот я дерзкая резидентка
сiju посередине
никуда некуда
здесь меня жгут солнцем
земля обетованна но пока не найдена
написанное мною в области интоксикации Богом

Наталья Азарова. «и вот я дерзкая резидентка...» ¹⁰⁵ ;

о чем еще ó о ней о нёй
о дорогой дражайшей
дорожке тёней и тенёй
о другую чуть дребезжащей
когда иней на ней всё **иней**
об узкой узенькой ужайшей
обузкой узенькой сужающей
себя до самых легких дней

Игорь Булатовский. «Причастие» ¹⁰⁶ ;

Две жили мышки, но одна – с печаткой.
Две жили мышки, но одна – **одней**.
Пристрастный воздух был ее перчаткой.

Мария Степанова. «Заснеженный, с вороной на носу...» / «20 сонетов к М» ¹⁰⁷ ;

Вот старушка – церковная соня —
Собирает огарки свечей,
А между тем она – храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот одинокая колокольня —
Ни у кого нет от ней ключей,
А между тем она – храм Соломонов
Или прекраснее,
И ничей.

Вот на вершине сидит ворона,
Ежась под войском зимних ночей,

¹⁰⁴ Клюев 2008: 68.

¹⁰⁵ Азарова 2011: 209.

¹⁰⁶ Булатовский 2013: 87.

¹⁰⁷ Степанова 2001-а: 53.

А между тем она – храм Соломонов,
Еще прекраснее
И ничей.

Елена Шварц. «Девятисвечник колыбельная»¹⁰⁸;

ЯЗУНДОКТА... ты одна мне осталась.
Сколько снега утекло, пока до тебя я добрался,
<...>
Яее тебя нет самого меня.
Явность твоя теперешняя – тайна выцветания этих чувств.
Твоим восклицательным именем нареку я дочь моих сублимаций.
Яко верною осталась в иерархии, где кто
сказал Агапит, должен сказать и Борис.
Ты яйцом в конце лежала, а теперь оно разбито, —
знать, не зря моя бежала мышь по краю алфавита.

Евгений Хорват. «ЯЗУНДОКТА... ты одна мне осталась...»¹⁰⁹.

Мне тут нечего делать.
Я есть инвалид Четырёх Мировых Великих.
Свое существование мне оправдать не удаётся
без оправдания не удаётся существовать,
а без существования не оправдаться.
Я скоро займусь **вплотнее** моей смертью!

Евгений Хорват. «Записка охотника» / «Из зимней истерии 1984-го года»¹¹⁰.

Огры делают бобо,
так бобо, как нам слабо,
но **бобее** во сто крат,
если огры говорят
и ярмо их и клеймо
превращаются в бонмо,
а клеймённые слова
подвизаются в ать-два.

Игорь Булатовский. «ИЗ У. Х. ОДЕНА»¹¹¹.

В современной поэзии встречается и суперлатив (превосходная степень) существительного:

что было дальше
дальше была **бóльшая боль**

¹⁰⁸ Шварц 2002-а: 312.

¹⁰⁹ Хорват 2005: 165.

¹¹⁰ Хорват 2005: 113.

¹¹¹ Булатовский 2016: 22.

дальшая даль
ночная ночь
сквозь сквозную сквозь
тучнейших туч
многоточней точь-в-точь
скрозь коррозий скрозь
лучший луч
не в бровь

но не врозь

Гали-Дана Зингер. «Старая сказочница»¹¹² ;

Любезный брат и друг духовных выгод,
когда я вижу мост, я мыслью выгнут,
а сердцем серебрюсь, как под мостом
течение малейшим лепестком.

Великотрепетный мой друг светлейший
(немедля назовем ветлу **ветлейшей**,
а то ещё бесследно расхотим),
приветствую тебя, ты мне родим!

*Владимир Гандельсман. «Любезный брат и друг духовных
выгод...»¹¹³.*

Многочисленность поэтических неологизмов типа *птицая, веснее, ветлейшей* впечатляет и заставляет задуматься о том, почему же поэты, пишущие в разных стилях, принадлежащие к разным поколениям, живущие в разных городах и странах, так настойчиво образуют авторские прилагательные от существительных, компаративы существительных и экспрессивные тавтологические конструкции с разными частями речи на месте прилагательных или наречий? Может быть, причина в том, что поэтам (а значит, поэзии, а следовательно, и языку) нужна именно эта осязаемая связь между предметами, признаками, обстоятельствами, действиями?

Если волей поэтов появляются такие полные прилагательные, как *птицая, кукая, поэтый, клюквых, гондолых, бутылное, калеких, тыщий, кошие* и мн. др., то сама система языка диктует, что слова *птица, кукла, поэт, клюква, гондола, калека, тыща, коша* можно воспринимать как краткие прилагательные. В таком случае почти любое непроизводное существительное (т. е. не осложненное суффиксами) является потенциальным прилагательным, следовательно, сохраняет в себе способность быть синкретическим именем.

Кроме того, поэзия показывает, что любое предметное существительное имеет тенденцию стать признаковым¹¹⁴, так как в процессе функционирования языка оно получает разнообразные коннотации. Например, слово *весна* может употребляться в сравнительной степени потому, что в сознании человека это не только один из сезонов года, но и время потепления, оживления природы и чувств; слово *метро* – это не только вид городского транспорта, но и пространство подземной архитектуры. В строке Е. Хорвата *Чем мертвее мы, тем церквее земля*

¹¹² Зингер 2013: 140.

¹¹³ Гандельсман 2008: 7.

¹¹⁴ Вспомним ранее процитированное высказывание А. А. Потебни о большей признаковости существительных в древности. В таком случае применительно к современному употреблению можно говорить о реставрации признакового значения существительных на новом этапе развития языка.

форма *церквее* мотивирована тем, что на земле каждая могила с крестом подобна церкви и по внешнему виду, и потому, что это место общения с потусторонним миром. Коннотации появляются не только у существительных, но и у других частей речи. Компаратив местоимения *я* в строке Хорвата *Яе тебя нет самого меня* может быть понят примерно так: 'ты в большей степени я, чем я сам'; формы *никогдее* у Е. Клюева и *никудее* у Н. Азаровой вызваны тем, что отрицанию как явлению логики сопутствует эмоция безнадежности.

Авторские существительные-определения

Синкретизм имени и признака проявляется также при создании таких сочетаний двух существительных, одно из которых выполняет функцию определения (по модели фразеологизмов типа *жар-птица*, *бой-баба*, а также заимствованных моделей типа *интернет-коммуникация*, *Кролик-бар*)¹¹⁵:

Голубь как белая бабочка ходит-ходит,
не верь, не верь, что у него утро.
И это дни идут назад, на когтях лапы
и рёв иллюзий эволюционных,
как рвут дожди мои **скандал-руки**.
Не верь, не верь, моё дитя золотое,
ты златотканно, и в моих Микенах
лист перевернут... Свист ста!

*Виктор Соснора. «Мотивы Феогида. Энеада»*¹¹⁶ ;

Мой дом стоял, как пять столбов, на холме с зеркалами.
Топилась печь, холод хорош, а **стекла-ртуть** зачем-то запотевали.

Как говорится, грусть моя не светла, направо **дверь-дурь** белела.
Да в жилах кровь, как мыльный конь, к пункту Б бежала.

*Виктор Соснора. «Босые листья»*¹¹⁷ ;

Вот Гнильпросветуголок
кладбища новосельного,
гниль-огонек. Вечерами
Здесь собираются жмурики —
смертожители местных могил
Посмотреть в телевизоре
розыгрыш черепа... матч
Вспомнить попойки гнилушные,
бормотушно-багровые ночи,
Вспомнить, вздохнуть и вернуться
В Червогриб многоместный,
растущий сквозь недра земли.

*Сергей Стратановский. «Вот Гнильпросветуголок...»*¹¹⁸ ;

Я обернусь – при **синь-луне**

¹¹⁵ Подробнее о генетической общности таких сочетаний, восходящих к индоевропейскому синкретизму имени и признака, см.: Зубова 2000: 364–368.

¹¹⁶ Соснора 2018: 887–888.

¹¹⁷ Соснора 2006: 677.

¹¹⁸ Стратановский 2019: 100.

Моя сестра плывёт в челне.
Иное на её лице.
Что, госпожа, в твоём ларце?

Святынька? Баночка румян?
...На поле – войско басурман.

Мария Каменкович. «Я человек травы да туч...»¹¹⁹ ;

Лавина холода
спрессована в гармошку.
Сыграй мне, лёд,
свой шлягер на дорожку,
вруби мой след
в каток **мороз-пути**
И отпусти
дышать морозным бунтом.

Ольга Залогина. «Впитай меня...»¹²⁰ ;

Я, превратившись в слух и в голос,
в минус, подобный лишь лосю, чьи
лоб-лабиринты суть та же голость
сучьев, умноженных на в ночи

скрипы их... ибо способен минус
и к умножению. Разве та
Крит-пустота, что застроил Минос,
не многократная пустота?

Илья Кутик. «Слух и голос»¹²¹ ;

В «Обувь»-магазине русалка
Кислую состроила мину.
Кладбище. Мягкая посадка.
Первое время. Тихо-мирно.
Плыли бы Летою желанной,
Только засыпаны истоки.
Здравствуй, солдатик оловянный,
Бывший стеклянный, жаростойкий.

Ольга Зондберг. «Война»¹²².

Синкретическое существительное-прилагательное типично для языка фольклора, и эта модель воспроизводится в соответствующей стилизации:

¹¹⁹ Каменкович 2008: 60.

¹²⁰ Залогина 1997: 7.

¹²¹ Кутик 1993: 11.

¹²² Зондберг 1997: 19.

А Господь по берегу похаживает,
На **омут-стынь** будто и не посматривает,
Соболиные брови все похмуривает,
Томит душеньку-слизь, испытывает.

А и Сам-то плетет сети шелковые,
Уду ладит снастную, крюкастую,
Уду ладит, ворчит-приговаривает:

«Вот уж как еще раз Меня да не послушаешь,
Как пойдешь без ума смеясь, купатися —
Вот годи! Тогда не пощажу,
Судом праведным тебя засужу,
Отдам тебя ухам – спекуляторам-сторожам,
Пустьят тя по кругу, стерлядю дочь,
Разнесут костоньки на четыре волны!
Ну, давай, подплывай, хайло разевай,
Хайло пузырявое, гнилой роток

Лови в роток **сталь-востёр крючок**.
Крючок глотай, да не спрашивай,
На какого уловлю тебя, душа, червя,
На того ли на сладкого опарыша,
На Моё ли сырое **кровь-серденько**».

Сергей Круглов. «Душе, душе моя...» / «Потопные песни» ¹²³.

¹²³ Круглов 2008: 192–193.

Производящие существительные в конструкциях типа черным-черно

Еще одно из проявлений синкретизма частей речи – конструкции, образованные по моделям *черным-черно*, *давным-давно*, первыми, а иногда и вторыми компонентами которых являются существительные, а не прилагательные. На такие конструкции в современной поэзии обратили внимание Н. Г. Бабенко и Н. А. Фатеева. Н. Г. Бабенко анализирует сочетание *тюрьмым-тюрьма* в строке Андрея Вознесенского, подчеркивая его уникальность и показывая признаковую семантику формы существительного:

окказионализмы третьей степени – это сугубо окказиональные, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна, а отступление от деривационной нормы существенно. Такие образования часто не имеют аналогов даже среди окказионализмов. Например, окказионализм А. Вознесенского *тюрьмым-тюрьма* в строке «в душе – *тюрьмым-тюрьма*» деривационно не соответствует отчасти структурно подобным «темным-темно», «белым-бело» и др., так как мотивирован не прилагательным, а существительным, которое от лексем-образцов наследует аффикс *-ым*, чуждый существительному. Только исследование семантики существительного «тюрьма», круга устойчивых ассоциаций, рождаемых этим словом, при учете «накала» состояния, подчеркиваемого повтором мотивирующей основы, и семантики лексем-образцов типа «темным-темно», «черным-черно» позволяет прийти к истолкованию названного окказионализмом состояния души как «тягостного, мрачного, безнадежного одиночества», как «мучительного чувства внутренней несвободы» (Бабенко 1997: 14).

Н. А. Фатеева указала на сочетание *ветрым-ветро* в стихах Нади Делаланд, сопровождая пример комментарием со ссылкой на Н. Г. Бабенко: «Подобное образование находим только у А. Вознесенского: *в душе – тюрьмым-тюрьма*» (Фатеева 2017-б: 154)¹²⁴.

Представлению об уникальности таких конструкций противоречат многие другие примеры из современной поэзии:

Всегда со мной беда всегда,
Куда бы я ни шел: туда
она **войным-война**:
сверну налево, а беда
за мной. Тогда кругом бегом
направо. А беда – «куда?»
Бедой ведóm, бегу.

*Ян Сатуновский. «Всегда со мной беда всегда...»*¹²⁵ ;

весным весна

¹²⁴ Подобие сочетаний *тюрьмым-тюрьма* и *ветрым-ветро* относительно: структурно аналогичны только их первые компоненты, а вторые являются разными частями речи – существительным и безличным предикативом.

¹²⁵ Сатуновский 1994: 164.

сказано было
Сатуновским

полным полно весны

и какие были
смыслы Москвы

все

всплыли

Всеволод Некрасов. «Может мертвый оживать...»¹²⁶ ;

Душа моя живет,
Опущенная в пятку,
но разбивает лед
зеленоватый – всмятку,
когда белым-бела,
зимым-зима погода
и снежная юла
кружится без завода.

Виталий Кальпиди. «Рождественские вириши для А. М.»¹²⁷ ;

Неделя, как настали холода.
И полторы – до той поры, когда
забулькает по трубам отопление.
Покуда согреваюсь изнутри

да вспоминаю, как огонь горит
и как трещат горящие поленья.
Мне было жаль их жечь. **Бревным-бревно**,
его бы в печку, да живет. Но

не забывая опыт папы Карло,
я их на нож испытывал – и лишь
тогда они гурьбою в топку шли.
Зато потом – изрядно припекало!

Валентин Бобрецов. «Баллада о беспечной жизни»¹²⁸ ;

Любо, братцы, борода, позавидуешь змее, подойди ко мне сюда,
голубое острие,
покажи мне месяц мой, месяц нет и месяц да, где по солнечной

¹²⁶ Некрасов 2012: 221.

¹²⁷ Кальпиди 1991: 196.

¹²⁸ Бобрецов 2013: 47.

прямой бьет кудрявая вода,
где гуляет, многолик, на лицо **балдым балда**, и толпа его калик
собирает пот со лба.

Давид Паташинский. «страшный месяц ой»¹²⁹ ;

Но вот приволокло, облако накатилось, на гору обло-
котилось, заволокло,
шодерло, де лакло, атасные связи,
ветрено, северно-западло,
холодно, свиблово, чертаново.
СИЗО.
Сопли наголо, танец с зяблями.
И на море половецкие плески. Море **челным-челно**.
Пенистый многочелн.

Владимир Строчков. «Непутевые заметки»¹³⁰.

В последнем контексте с тотальными фонетико-лексическими сдвигами, подменами слов
сочетание *челным-челно*, конечно, фонетически производно от общезыкового *черным-черно*.

У Евгения Клюева элементами конструкции типа *черным-черно* становятся местоимения:

«Всё само собой, родимый, будет быть, будет быть,
ты **никтым-никто**, родимый, в этой общей судьбе,
так что смейся или плачь ты, помни или забудь —
существует в мире нечто, что живёт не в тебе

Евгений Клюев. «Автоматическое рождество»¹³¹.

У разных авторов есть конструкции с числительным-местоимением *один* в первой части:

О ярость бесполезная чума война
да как же я останусь тут **одным-одна**
победой ли ославишься бедой какой
да как же ты управишься с одной ногой
без флейты кипарисовой ружья коня
без головы без совести и без меня

Ирина Ермакова «Сумарочка»¹³².

А правда **одным-одна**,
Как темная в поле хата:
Чем больше твоя вина,
Тем больше моя расплата.

¹²⁹ Паташинский 2008: 177.

¹³⁰ Строчков 1994: 354.

¹³¹ Клюев 2014: 35.

¹³² Ермакова 2014: 11.

Гедымин Анна. «А правда одним-одна...» ¹³³ ;

*Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти.*

Шумит вода, палит по голове,
а я иду и думаю одно.

Чтоб не возникло перемены мест,
всегда я думаю **одним-одно**.

Не происходит перемены мест,
вода течёт и пахнет ярко,
маслит прутья, склеивает листья.
Рябина красится, сливается в огонь.
Весь мир давным-давно **одним-одно**,
и счастье соль и ливень у лица,

и все места знакомы мне давно,
все, кроме самого конца.

Ксения Букша. «Шумит вода, палит по голове...» ¹³⁴.

¹³³ Гедымин 2012: 43.

¹³⁴ Букша 2018: 31.

Субстантивация прилагательных и адъективация существительных

О том, что взаимообратимость существительных и прилагательных в современном русском языке – живое динамическое явление, свидетельствуют многочисленные примеры субстантивации прилагательных и адъективации существительных. В пределах нормы эти явления обнаруживают разную степень субстантивации и десубстантивации (см. об этом подробно: Высоцкая 2006: 142–149).

Так, например, слова *любимый, сумасшедший, богатый, бедный, нищий, больной, ученый, знакомый, чужой, военный* могут одинаково естественно быть и существительными, и прилагательными в зависимости от того, употребляются ли они как подлежащие, дополнения или определения.

Современные поэты иногда привлекают внимание именно к такой ситуации:

Кто мой любимый? Никто, никто.
Мой любимый песок и порох, и прочее нет суда.
Над восточными городами восходит то,
Что само по сути восточные города.

*Евгения Риц. «Кто мой любимый? Никто, никто...»*¹³⁵.

В этом тексте слово *любимый* во второй строке может читаться и как существительное, и как прилагательное. Существительное было бы очевиднее, если бы там стояло тире, но правила пунктуации допускают и его отсутствие.

Мария Степанова помещает рядом антонимы, один из которых – прилагательное, а другой существительное:

Банный день стеклу и шинам.
Юбки флагами с балконов.
Летний воздух с тихим шипом
Выпускают из баллонов,

Он линяет, все меняет,
Он проёмы заполняет,
Человекоочертанья в нем, как шарики, висят —
Зоны мертвого живого
Года с семьдесят второго,
Года с пятьдесят восьмого
Ни фигу не отражают, а висят-не-голосят
Наподобие холодных магазинных поросят.

*Мария Степанова. «Банный день стеклу и шинам...»*¹³⁶.

Стихотворение Михаила Яснова «Кто у нас делает литературу» содержит грамматические ряды¹³⁷, состоящие из субстантивированных причастий и субстантивированных порядковых числительных¹³⁸:

¹³⁵ Риц 2020: 60–61.

¹³⁶ Степанова 2017: 224.

¹³⁷ Термин Е. Н. Ремчуковой: «грамматические ряды – „накапливание“ в высказывании однородных (стандартных

Уцелевшие двадцатых,
обреченные тридцатых,
перемолотые сороковых,
задушенные пятидесятых,
надеющиеся шестидесятых,
исковерканные семидесятых,
разобщенные восьмидесятых,
нищие девяностых —

уцелевшие, обреченные, перемолотые,
задушенные, надеющиеся, исковерканные,
разобщенные нищие...

Михаил Яснов. «Кто у нас делает литературу»¹³⁹.

В первой строфе, состоящей только из субстантивированных причастий и порядковых числительных, эти грамматические формы являются результатом компрессии – включения в субстантивы значения того слова, которое было бы определяемым в полном сочетании (*люди* или *писатели*). Для порядковых числительных, соответственно, *годы*.

Во второй строфе слова *уцелевшие*, *обреченные* и т. д. становятся адъективными формами, определяемое слово которых – *нищие*. Если бы перед словом *нищие* была запятая, такого грамматического преобразования не получилось бы.

Восприятие слова как причастия или как существительного может зависеть и от порядка слов:

в праже в старо-новой синагоге
находящейся напротив правды
кресло пастернака стоит и стояло
прямо рядом с креслом некоего манна
они вместе читали книги
у них часто соседствовали фамилии
например **в уничтоженных списках**
в особенности в списках уничтоженных

Наталья Азарова. «в праже в старо-новой синагоге...»¹⁴⁰.

Только когда прочитано последнее слово следующего фрагмента из поэмы Генриха Сапгира «МКХ – Мушиный след», можно понять, какие части речи – причастия или существительные предшествуют этому слову:

разлезающееся расползающееся разъедающееся
растрескивающееся распузыривающееся разволдыривающееся
раздувающееся разгноивающееся разгангренивающееся
разистлевающееся разистончаю

и нестандартных) грамматических компонентов как средство создания экспрессии и гиперэкспрессии» (Ремчукова 2005: 33).

¹³⁸ И причастия, и порядковые числительные могут быть отнесены к классу прилагательных (см.: Щерба 1974: 85). Академическая Русская грамматика регулярно использует термин «порядковые прилагательные» (Русская грамматика 1980: 301, 319, 456, 538, 539, 541 и др.).

¹³⁹ Яснов 1995: 38.

¹⁴⁰ Азарова 2011: 216.

*Генрих Сапгир «МКХ – Мушинный след»*¹⁴¹.

В современной поэзии есть очень много примеров десубстантивации тех существительных, которые были образованы от прилагательных.

Особенно это заметно в тех случаях, когда субстантивация, казалось бы, произошла окончательно, чаще всего это касается слов *прохожий*, *леший*, *насекомое*:

и в церкву не пройти,
на миг едва-едва вошла
в золотозубый рот кита-миллионера —
она все та же древняя пещера,
что, свет сокрыв, от тьмы спасла,
но и сама стеною стала,
и чрез нее, как чрез забор,
прохожий Бог кидает взор.

*Елена Шварц. «Черная Пасха»*¹⁴² ;

Они были юны, они повстречались
На жарком причале глыбокой реки.
Восторженно чайки им что-то кричали,
О чем-то приветно флажками качали
С прохожих судов моряки.

*Андрей Туркин. «Они были юны, они повстречались...»*¹⁴³ ;

у прохожего пугала тысяча солнц в рукаве
от крыльца краснеет кирпичная пыль дорожки
кубометры лени валяются в жирной траве
пролетает ребенок счастливый как на обложке
и победное радио – резонирует в голове

*Ирина Ермакова. «Погоди уймись обернется легендой сплетня...»*¹⁴⁴ ;

Всё неясно в ясности небожьей,
только и ветра, что рябит
воду в луже, новенькой, прохожей,
не прохожей хотя на вид,
а проезжей, не пеняют где
на кривые ружья свои
кленов-липок стволы, в рябой воде
вдруг из веток пуская хвой.
Ясно всё в неясности божьей,

¹⁴¹ Сапгир 1999-6: 110.

¹⁴² Шварц 2002-6: 77.

¹⁴³ Туркин 2002: 46.

¹⁴⁴ Ермакова 2014: 46.

только и ветра, что трепать
эти нервы под воздушной кожей,
только и беды, что благодать.

Игорь Булатовский. «Всё неясно в ясности небожской...»¹⁴⁵ ;

упавший ниц забор как скошенная рота
не то как мертвеца гнилых зубов оскал
и без толку искать в деревне хоть кого-то
они давно не здесь кого бы ни искал

на кладбище в версте белеются их лица
стирают имена на крестиках года
а здесь живут ужи сюда приходят лисы
да протопчет **дождь прохожий** иногда

Владимир Строчков. «когда-то тут была негромкая деревня...»¹⁴⁶ .

Обратим внимание на то, что если в тексте Елены Шварц семантика слова *прохожий* вполне конвенциональна (Бог изображен как человек), то в других примерах этой группы наблюдаются существенные семантические преобразования.

В строке *С прохожих судов моряки* из стихотворения Андрея Туркина речь идет о предметах, о которых в соответствии с нормой полагалось бы сказать *проходящие*. Игнорируя синтагматическую связанность, Туркин актуализирует синонимию слов *прохожий* и *проходящий*.

Совсем другое значение слова *прохожий* наблюдается в строке Ирины Ермаковой *у прохожего пугала тысяча солнц в рукаве*. Имеется в виду, что проходит не пугало, а человек проходит мимо пугала. *Прохожего* здесь – ‘встреченного на пути’. То есть слово *прохожий* приобретает значение семантического пассива.

У Игоря Булатовского во фрагменте *воду в луже, новенькой, прохожей, / не прохожей хотя на вид, / а проезжей* словоформа *прохожей* соответствует нормативной словоформе *проходимой* – это тоже семантический пассив. Показательна эксплицированная в контексте словообразовательная аналогия слов *прохожей* и *проезжей* – при том, что в норме фразеологически связанное прилагательное в сочетании *проезжая (непроезжая) дорога* как раз является семантическим пассивом.

В последнем примере из стихов Владимира Строчкова сочетание *дождь прохожий* не только является метафорой олицетворения, но и напоминает о языковых (стертых) метафорах *дождь идет, дождь прошел*.

Десубстантивация слова *леший* обнаруживает себя, когда оно получает определения или употребляется как один из однородных членов предложения в рядах с очевидными прилагательными:

Самурайского ветра депеша на влажном листе
на орешник ложится, тревожит закладку Успенья.
Горе **лешему мне**, горе плыть в неусыпной ладье,
брать призывы облаков, слышать хохот и рев соплеменья.

¹⁴⁵ Булатовский 2019: 52.

¹⁴⁶ Строчков 2018: 412.

Петр Чейгин. «Самурайского ветра депеша на влажном листе...»¹⁴⁷ ;

Навскидку я выстрелил. Эхо
Лишь стало добычей моей,
И дым цвета **лешего меха**
Витал утешеньем очей.

Саша Соколов. «Журнал запойного. Записка XXXII. Эклога»¹⁴⁸ ;

это не гром прогремевший
это мой рот изблевавший
все что он пивший и евший
и целовавший

это не дикий и леший
это культурный но павший
до дому не потерпевший
всё протрепавший

Денис Новиков. «Это»¹⁴⁹ ;

Темный ты, дремучий, леший,
микроскоп тебе вместо
молотка. Что будешь делать
ты со мной, как дозовешься?
Что тобой я буду делать?
Дам тебе подсахасрарник,
и катись, и просветляйся...
Гвоздь вот только лбом пристукну
напоследок...

Надя Делаланд. «Темный ты, дремучий, леший...»¹⁵⁰ ;

...и тогда она
нырнула в лес – не сумрачные чащи,
нормальный **подмосковный леший лес**,

и набрела на дивный свет, стоящий
с косым копьём луча наперевес,
щебечущий, блистающий, зовущий

¹⁴⁷ Чейгин 2007-а: 76.

¹⁴⁸ Соколов 1990: 174.

¹⁴⁹ Новиков 1999: 47.

¹⁵⁰ Делаланд 2005: 118.

Ирина Ермакова. «Инь»¹⁵¹.

В строке *И дым цвета лешего меха* у Саши Соколова слово *леший* подвергается двойному грамматическому преобразованию: оно не только возвращается к статусу прилагательного, но и, воссоздавая былую притяжательность, меняет объект определения. Слово *леший*, по происхождению притяжательное прилагательное от слова *лес*, становится в стихотворении притяжательным прилагательным от субстантива *леший*.

У Ирины Ермаковой в сочетании *нормальный подмосковный леший лес* наблюдается похожее преобразование: *леший лес* – ‘лес, принадлежащий лешему’.

Многочисленные случаи десубстантивации слова *насекомое* анализируются в главе «Страдательные причастия настоящего времени», поэтому здесь ограничусь несколькими примерами с изменением рода, которые там не приводятся:

Я стану пожизненной тенью,
Забуду свое ремесло
И буду подобен растению,
Которое в землю вросло.
<...>
Уйду **в насекомое царство**,
Травой расстелюсь на лугу.
Мне дружба твоя не лекарство,
А большего смель не могу.

Алексей Цветков. «Под взглядом твоим голубиным...» / «448-22-82»¹⁵² ;

Не тайник, не тюрьма, не гнездо, не мешок, не могила —
это столб наизнанку, прожектор с обратным свечением,
западня слепоты, провиденья червячное рыло,
это – ниша твоя, горизонт в переулке осеннем.
Не капкан, не доспех и не просто **скелет насекомый** —
это больше в тебе, чем снаружи, и больше сегодня, чем было.
Ты стоишь на столбе, но не столпник, горящий в объеме,
ты открыт, но не виден, как будто тебя ослепило.

Иван Жданов. «Ниша и столп»¹⁵³ ;

На клочке, на салфетке, на пачке от сигарет
запишу впопыхах, что ночной набормочет бред,
пока будет бороться с крошечной темнотой
насекомый пустяк уайльдовской запятой¹⁵⁴.

Два прозрачных таких, два коротких таких крыла —
не то муха какая-токая... не то пчела,

¹⁵¹ Ермакова 2014: 74.

¹⁵² Цветков 2001: 69.

¹⁵³ Жданов 1997: 24.

¹⁵⁴ Из текстов Оскара Уайльда: «Я правил свое стихотворение полдня и вычеркнул одну запятую. Вечером я поставил ее опять» (Уайльд 2014: 7).

не то есть запятая... не то, так сказать, не есть,
ибо завтра её ты уже не увидишь здесь.

Евгений Клюев. «На клочке, на салфетке, на пачке от сигарет...»
¹⁵⁵ ;

Меря, весь и лопари,
самоеды и вогулы —
кость немеряной земли,
распирающая скулы.

Коренаста, корнерука,
росту малого в ногах —
раса дерева и стука
топоров, сухого снега,
насекомого ночлега,
шевелиющихся собак.

Воркута, где роют уголь
(тонко крикнет паровоз)...
Пермь, густая от натуги,
дыма, копоти, волос...

Или Котлас конопатый —
корь, лишайники, мосты.
Раса палки и лопаты
в теле вечной мерзлоты!

Виктор Кривулин. «Раса» ¹⁵⁶ ;

У генерал-майора Брюса
вспухла левая ладонь
от жестокого укуса
насекомой молодой.

Виктор Кривулин. «Яков Брюс» ¹⁵⁷ ;

Время за полночь медленным камнем,
За холодным стеклом ни шиша.
Только мы до утра тараканим,
Насекомую службу верша.
В эту пору супружеской пашней
Рассыпают свои семена
Обитатели жизни всегдашней,
Не любившие нас дотемна.

¹⁵⁵ Клюев 2008: 229.

¹⁵⁶ Кривулин 2005.

¹⁵⁷ Кривулин 2005.

Алексей Цветков. «Время за полночь медленным камнем...» /
«Сердце про кругу»¹⁵⁸ ;

Вот детка человеческая
Насекомая на вид
Головкой овечью
Над сладостью дрожит

Дмитрий Александрович Пригов. «Конфеточку нарезаывает он...»
¹⁵⁹ ;

В блокноте, начатом едва
роятся юркие слова,
что муравьи голодным комом
у толстой гусеницы. Знать,
ей мотыльком уже не стать,
погибшей деве **насекомой**.

Бахыт Кенжеев. «В блокноте, начатом едва...»¹⁶⁰.

Почти во всех цитатах (кроме двух последних) с употреблением и преобразованием слова *насекомое* термин-существительное становится прилагательным в результате действия метонимии, преимущественно метонимического (перенесенного) эпитета и сравнения. При этом семантические переносы основаны на разных коннотациях.

Слова Алексея Цветкова *Уйду в насекомое царство* содержат метонимический эпитет. Здесь очевидно влияние стихотворения Осипа Мандельштама «Ламарк» со строками: *Если все живое лишь пометка / За короткий выморочный день, / На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень. // К кольцецам спущусь и к усоногим, / Прошуршав средь ящериц и змей, / По упругим сходням, по излогам / Сокращусь, исчезну, как Протей.*

Иван Жданов этимологизирует слово *насекомое* в свернутом сравнении скелета, осью которого является позвоночник, похожий, например, на строение тела гусеницы или червяка.

Сочетание *насекомый пустяк* в стихотворении Евгения Клюева основано на образе насекомого как очень маленького существа.

Строки Виктора Кривулина со словами *насекомого ночлега* изображают ночлег в тайге с комарами и мошками.

У Алексея Цветкова слова *Только мы до утра тараканим, / Насекомую службу верша* обозначают нечто мелкое и суетливое.

Другие примеры реставрации прилагательных, которые считаются в нормативном языке окончательно субстантивированными:

Машин нет в смерти ни одной.
Мне это очень, очень жаль.
На что мне радость и печаль,
Когда нет «Оптимы» со мной?

¹⁵⁸ Цветков 2001: 82.

¹⁵⁹ Пригов 1997-а: 21.

¹⁶⁰ Кенжеев 1992: 8.

Или **портной старинный «Зингер»** —
В своем усердии собачьем —
все мое детство стрекотавший,
С отполированным плечом,
Похожий на мастерового,
О лучшем не подозревавший

Елена Шварц. «Мои машинки»¹⁶¹ ;

– Письмо,
оно какое?
Бологое?
– Письмо писомое.

– А ртуть,
какая?
Запятая?
– Ртуть ртомая.

*Михаил Сухотин. «Сочинение по французскому языку на тему
„о поэте и поэзии“»¹⁶² ;*

Я усну на левом
носом в колени
как без памяти
как **запятой эмбрион**
и войдут с припевом
пилигримы-калеки
снова кланчить своё
забивая сон

Ирина Ермакова. «Фонарики. Тане Бек»¹⁶³ ;

Вижу, старый да малый, пастухи костерок разжигают,
Существительный хворост с одного возжигают глагола,
И томит мое сердце и взгляд разжигает,
оползая с холмов, горбуновая тень Горчакова.

Лев Лосев. «Открытка из Новой Англии. I»¹⁶⁴ ;

Только тайна тайн,
перебирая воздуха ткань,
темное серебро расстояний,
Петропавловского графина грань,

¹⁶¹ Шварц 2002-а: 282.

¹⁶² Сухотин 2001: 107.

¹⁶³ Ермакова 2014: 38.

¹⁶⁴ Лосев 2012: 99. Это реакция на строку Бродского *О как из существительных глаголет!* из поэмы «Горбунов и Горчаков» (Бродский 1992-б: 127).

люблю мглу,
гулкую под ногами глубь,
к булочному теплу
желтому еще льну

Владимир Гандельсман. «Только тайна тайн...» ¹⁶⁵ ;

А если и светить, то лишь едва, —
летучей, эфемерной порошиной,
И – числить этажи, сиречь – слова,
не «богом из машины», а машиной,
сказуемой из глотки божества.

Дмитрий Бобышев. «Полнота всего» / «Звезды и полосы» ¹⁶⁶.

В тех случаях, когда современная норма предполагает контекстуальную зависимость субстантивного или адъективного грамматического значения, десубстантивация осуществляется и поддерживается нестандартной референцией:

На плюсе шесть откроется иная
судьба дневного сна,
мгновения. Канал
набухнет черным цветом.
Непременно
пернатая ольха,
усвоив угол верный,
тень липкую раскачивает зло...

На плюсе шесть зимою
Я говорю —
тепло.

Петр Чейгин. «Где те слова, что я распеленал...» ¹⁶⁷ ;

Пернатый снег на молодых болотах
дымил, ярился,
экая забота
в такую беломглу приводит шаг?

Петр Чейгин. «Пернатый снег на молодых болотах...» / «Зимние картинки» ¹⁶⁸ ;

В садах только наших в апреле
Деревья растут из зеркал. —

¹⁶⁵ Гандельсман 2005: 245.

¹⁶⁶ Бобышев 2003: 121.

¹⁶⁷ Чейгин 2007-а: 28.

¹⁶⁸ Чейгин 2007-а: 37.

То, видимо, тайные щели
Господь в этом мире сыскал.
И так еще, видимо, можно
На облачных лестницах петь,
Невидимо так, осторожно
Пернатой ступенью скрипеть.

Олег Юрьев. «В садах только наших в апреле..» ¹⁶⁹ ;

Всё лето мед горчит звездой полынной,
три инока в овраге речь ведут
о Сыне и о бездне соловьиной,
о **певчей смерти**, побывавшей тут.

Александр Миронов. «Всё лето мед горчит звездой полынной...»
¹⁷⁰ ;

Притягивает **гончая Земля**.
Притягивает **гончих насекомых**.
Резной рассвет определений новых
и холод, затихающий в стаканах,
прольются вспышками древесного огня.

Петр Чейгин. «Притягивает гончая Земля...» ¹⁷¹.

Существительное может вернуться к статусу прилагательного в результате его сочетания с наречием степени:

человек оглянулся и увидел себя в себе.
это было давно, **в очень прошлом** было давно.
человек был другой, и другой был тоже другой

Константин Кедров-Челищев. «Бесконечная Поэма» ¹⁷².

На полпути от прилагательных к существительным находятся случаи эллипсиса словосочетаний с устранением легко подразумеваемого существительного по словообразовательной модели *столовая комната* → *столовая* (это морфолого-синтаксический способ словообразования).

В современной поэзии с ее повышенной компрессией речи встречается много примеров включения лексического, а затем и грамматического значения определяемого существительного в само определение-прилагательное, которое в результате субстантивируется:

– Дорогой автоответчик, ты прости меня за ложь,
(ты потом на человеческий сам меня переведешь).
Ни английский я не знаю, ни на русском не пою,
я на **ломаном туманном** тут с тобою говорю.

¹⁶⁹ Юрьев 2004: 97.

¹⁷⁰ Миронов 1993: 21.

¹⁷¹ Чейгин 2007-б: 13.

¹⁷² Кедров-Челищев 2014: 275.

Дмитрий Воденников. «Небесная лиса улетает в небеса» ¹⁷³ ;

завёрнутая в одеяло
кастрюля **варёной**
задохшимся жаром пылает
за дверью слегка притворённой

ждёт после работы
ещё носоглотки лечение над паром
ещё с боковой застёжкой боты
сырым тротуаром

ноябрьским и день рожденья
и левитановы обращения
картофельный бело-рассыпчатый сон
жизнь я потрясён

Владимир Гандельсман. «завёрнутая в одеяло...» ¹⁷⁴ ;

Жаль будет расставаться с **белым**,
боюсь, до боли,
с лицом аллеи опустелым,
со снегом, шепчущим: постелим,
постелим, что ли...
<...>
Жаль только расставаться с **белым**,
пусть там белее,
с неумолимой рифмой: с телом,
с древесной гарью, с прокоптелым
лицом аллеи.

Владимир Гандельсман. «Лирика» ¹⁷⁵ ;

куда нам деть себя под вечер
когда вдвойне иная зны
мы пьем **столичную** и **млечный**
сулит **больничный**

Демьян Кудрявцев. «Трафальгар» ¹⁷⁶

Междометия любви. Пот не виден на траве.
А что ты давно в крови, так невеста, знать, сильна.
Только морду не криви, **если острый в рукаве**.

¹⁷³ Воденников 2018: 211.

¹⁷⁴ Гандельсман 2015: 414–415.

¹⁷⁵ Гандельсман 2015: 245–246.

¹⁷⁶ Кудрявцев 2004: 70.

Ночь играет в голове. На душе одна слюна.

Давид Паташинский. «Пальцы лапают ключа. Догорит твоя свеча...»¹⁷⁷ ;

Как лимончик прособачишь **в однорукие** —
бытие воспринимается скупей.
Всюду лица недоделанные русские,
не закрашенные контуры бровей.

Владимир Бауэр. «Лимончик»¹⁷⁸.

Эти примеры показывают, что степень ясности, какое именно существительное подразумевается, может быть разной. Иногда оно сразу очевидно, как в первом примере с предварительным перечислением языков, иногда уточняется в последующем контексте, как во втором примере, иногда определяемое существительное остается в подтексте, но легко угадывается (с белым [светом]), (острый [нож]). Последний пример в большей степени загадочен, потому что вся первая строка состоит из жаргонных слов: *лимончик* – ‘миллион рублей’, *прособачишь* – ‘бессмысленно потратишь’, *однорукие* – ‘игровые автоматы, которые называют однорукими бандитами’.

Итак, именной синкретизм проявляет себя в современной поэзии многими нетривиальными способами:

- дефразеологизацией грамматических реликтов типа *у сера моря, из сыра-бора*;
- помещением слов в такие контексты, в которых их частеречная принадлежность может пониматься по-разному – типа *нелюдим, седовлас*;
- преобразованием прилагательного в существительное редеривацией – типа *звездная желта, солнца желт*;
- употреблением слов типа *светло, темно, сухо* в позиции подлежащего или дополнения;
- созданием неологизмов типа *птицая, клюквым, жирафье*, воспроизводящим исторический способ образования полных прилагательных;
- образованием сравнительной степени существительных типа *дровее, весней, морей*;
- образованием сочетаний с существительным-определением типа *гниль-огонек, омут-стынь, мороз-пути*;
- образованием конструкций типа *войным-война, зимым-зима, бревным-бревно*;
- десубстантивацией типа *прохожий Бог, насекомую службу, запятой эмбрион*;
- субстантивацией прилагательных в контекстах с устранением существительных – типа *кастрюля варёной, расставаться с белым, острый в рукаве*.

¹⁷⁷ Паташинский 2006: 44.

¹⁷⁸ Бауэр 2000: 15.

ГЛАВА 2. ПАДЕЖНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ

*Так утешает язык певца,
превосходя самой природу,
свои окончания без конца
по падежу, по числу, по роду
меняя, Бог знает кому в угоду,
глядя в воду глазами пловца.*

Иосиф Бродский

В этой главе вариантность понимается не как явление альтернативной нормы (типа *в цехе – в цеху*), а как явление системы, возможности которой нередко противоречат норме (типа *в марте – в марту*).

Грамматические аномалии в современной поэзии затрагивают всю парадигму существительных и часто обнаруживают не только разнообразную стилистическую маркированность, но и специфическую контекстуальную семантику.

В стихи включаются системные варианты падежных форм, представленные в диалектах и просторечии.

Следующая группа примеров иллюстрирует продуктивность флексии *-у* в формах предложного падежа единственного числа существительных мужского рода – за пределами той лексической ограниченности (*в ... году, в ... часу, в саду, на берегу, на ветру*), которая свойственна кодифицированному литературному языку.

Стилистически эти формы маркированы как элементы социального просторечия:

Птички поют языком **в марту́**
детским, звенящим, ласковым —
старые песни (те, что коту
пелось налево сказками).

Надя Делаланд. «Капли стекают в тихую муть...»¹⁷⁹ ;

Говорят, кто родился **в маю**,
Как ни прячясь за тюлевой шторой,
Всё тоска догрызется, который,
Похватает игрушку свою
И качает на самом краю.

Мария Степанова. «Невеста»¹⁸⁰ ;

Не кляни, навь-судьба, клятием кукушечку,
Не клинь впереклин кликушечку горькую,
На калиновом кусту не калечь кукушаточек.

Полетит она слеподырая за коломенскую версту,

¹⁷⁹ Делаланд 2005: 82.

¹⁸⁰ Степанова 2003: 12.

Найдёт криком-крикмя Христа **на кресту**,
Залетит ко Христу в смерть-пазуху.

Сергей Круглов. «Кукушечка»¹⁸¹ ;

Вот уже бересту
скручивало пламя.
На жестяном листу
блины выпекались сами.

Михаил Дидусенко. «Я ли где-то прочел...»¹⁸² ;

И мне глаза тот дым, я помню, ел.
В то лето Белый конь в сердца смотрел.
Что видел он? – Звериную тоску,
Да седину у многих **на виску**.

Олег Охапкин. «Белый конь»¹⁸³ ;

На усу моем хвоста
Чистой речи белый мед
В соловьиных языках
И под выпивку сойдет

Анри Волохонский. «Алеше по случаю праздника»¹⁸⁴ ;

А наутро – глянешь в запад
На обиженных полях
Там железный ходит лапоть
В ячменю и в журавлях.

Анри Волохонский. «Фома...»¹⁸⁵ ;

Коль рыло спит на самом **алтарю**,
Так дух уже взыскует чифирю.
Иль грезит о другом каком безвредном пьянстве.
Так – на Руси, иначе – в мусульманстве.

Анри Волохонский, Алексей Хвостенко. «Русский и Интеллигент»¹⁸⁶.

Ненормативная флексия -у может быть спровоцирована нормативной в однокоренных словах, например, *в саду* → *в зоосаду*:

¹⁸¹ Круглов 2010: 111.

¹⁸² Дидусенко 2006: 143.

¹⁸³ Охапкин 1989: 149.

¹⁸⁴ Волохонский 2012: 497.

¹⁸⁵ Волохонский 2012: 136.

¹⁸⁶ Волохонский, Хвостенко 2016. Без паг.

Все забудешь: имя и беду,
Поезд жизни, лязгнувший на стыке...

В Доме скорби, как в зоосаду,
В час обеда – радостные рыки.

Ольга Бешенковская. «В Доме скорби свечи не горят...»¹⁸⁷.

У Александра Левина в стихотворении о коте форма *на дому* противопоставлена ее фразеологической связанности:

Толстый Василий лежал **на дому**,
розовым носом спускаясь во тьму.
Запахи лавра, лаванды и роз
Толстый Василий имел через нос.

Ах, Толстый Василий, твой дом на холме
розовым носом сияет во тьме.
Великий **надомник**, сиятельный князь,
ты наш во тьме негасимый вась-вась.

Александр Левин. «Толстый Василий»¹⁸⁸.

Норма предполагает флексию *-у* в предложном падеже слова *дом* (с предлогом *на*), когда речь идет о работе, которая выполняется за зарплату дома (она и называется *надомной* работой), или когда говорится *врач (портниха, нотариус) принимает на дому*¹⁸⁹. В тексте же предлогу *на* придается буквальное пространственное значение, а следующей строфе подвергается деконструкции слово *надомник*.

У Владимира Строчкова форма *в ... полке* является элементом цитаты из песни, звучавшей в фильме Евгения Карелова «Служили два товарища»¹⁹⁰ (первые три строки стихотворения со всеми их диалектно-просторечными грамматическими формами полностью совпадают со строками песни):

Служили два товарища, ага.
Служили два товарища, ага.
Служили два товарища в **одном и тем полке**.
Сидели два товарища тихонько **в уголку**.

Один из них был Эрихом, ага.
Один из них был Эрихом, ага.
Один из них был Эрихом, Марией был другой.
В угле они сидели и оттуда ни ногой.

¹⁸⁷ Бешенковская 1996: 59.

¹⁸⁸ Левин 1995: 58.

¹⁸⁹ Правда, без контекста или знания ситуации непонятно, у кого дома это происходит.

¹⁹⁰ «Перевод популярной фронтовой немецкой песни Der gute Kamerad („Хороший товарищ“) [...] Сейчас на эстраде ее исполняет группа „Любэ“ в составе трех куплетов – именно в таком виде она точно соответствует немецкому первоисточнику: Служили два товарища, ага... Служили два товарища, ага... Служили два товарища в одном и том полке. Служили два товарища в одном и том полке <...>» (<http://a-pesni.org/drugije/sluzili2.htm>). В Антологии военной песни, составленной В. Калугиным, эти формы изменены на нормативные: *Служили два товарища в одном и том полку* (Калугин 2006: 528).

Вот Эрих и Мария, и ага,
Вот Эрих и Мария, и ага,
Был умных два товарища, а третий был дурак.
Служили оба-трое, ну а третьим был Ремарк.
Служили два товарища примером, ага,
а третий был, паскуда, офицером, да-да.
И были два товарища, к примеру, два бойца,
а третий был писатель, ламца-дрица-гоп-ца-ца.

Вот пуля прилетела, и ага,
другая прилетела, и ага,
и третья прилетела, и подумала, ага,
и мимо пролетела: глаз нецелкий у врага.

А первая-вторая, и ага,
попали вдвоих в товарищей, ага,
и вот уж два товарища лежат в земле сырой,
и нет уж двух товарищей, а третий стал герой:

зарыл он двух товарищей, ага,
забыл он двух товарищей, ага,
а вспомнил двух товарищей – и написал роман.
Изрядное чудовище товарищ был Ремарк.

Владимир Строчков. «Служили два товарища, ага...»¹⁹¹.

В четвертой строке автор демонстративно не рифмует *полкѣ* — *уголке*, а вместо этого продолжает грамматическую тему ненормативного предложного падежа формой *в уголку*. Далее включается семантическая игра с омоформами слов *угол* и *уголь*: *В угле они сидели и оттуда ни ногой*. В конце текста появляются абсурдная синтаксическая рассогласованность фразы (*Был умных два товарища*) и абсурдное числительное *оба-трое*.

Весь этот грамматико-семантический карнавал порожден тремя именами Ремарка, автора знаменитого романа «*Drei Kameraden*», в русском переводе «Три товарища», а также устойчивым представлением о том, что в персонажах романов воплощаются разные черты личности авторов.

В стихотворении Марии Степановой грамматическая аномалия *в своем уму* основана, прежде всего, на фразеологическом подтексте:

Было, не осталось ничего подобного:
Сдобного-съедобного, скромного-стыдобного.
Чувства раздвигаются, голова поет,
Грязно-белый самолет делает полет.

Ничего под праздники не осталось голого:
Ты держись за поручни, я держусь за голову,
У нее не ладятся дела с воротником,
И мигает левый глаз поворот-ни-ком.

¹⁹¹ Строчков 2003.

(Горит золотая спица,
В ночи никому не спится.

– ЮКОС, ЮКОС,
Я Джордж Лукас.
Как вам теперь – покойно?
Что ваши жёны-детки?
Все ли звездные войны
Видно в вечерней сетке?

Спилберг Стиви,
Что там у нас в активе?
Софья Коппола,
Где панорама купола?
Ларс фон Триер,
Хватит ли сил на триллер?)

Лётчица? наводчица; начинаю заново,
Забываю отчество, говорю: Чертаново,
Говорит Чертаново, Банный, как прием?
Маша и Степанова говорят: поём.

А я ни та, ни ся, – какие? **я сижу в своем уму**,
И называть себя Марией горько сердцу моему,
Я покупаю сигареты и сосу из них ментол,
Я себя, как взрывпакеты, на работе прячу в стол,

А как стану раздеваться у Садового кольца —
С нервным тиком, в свете тихом обручального кольца —

Слёзы умножаются, тьма стоит промеж,
Мама отражается,
Говорит: поешь.

Мария Степанова. «Было, не осталось ничего подобного...»¹⁹².

Резкая грамматическая аномалия по отношению к норме (*сижу в своём уму*) провоцирует читателя искать аналогии, то есть ассоциативный подтекст в самом языке.

Можно сказать, что эта форма суммарно производна от нескольких устойчивых сочетаний. Некоторые из них содержат нормативное или узуальное окончание предложного падежа *-у* в рифмующихся словах (то есть в тексте М. Степановой имплицитно рифма): *в дому, работать на дому, сидеть в своем углу*, некоторые – лексику, вошедшую в строчку Степановой: слово *ум* – *ты в своем уме?*, *держат в уме*, *жить своим умом*, *сходить с ума*, слово *сидеть*: *сидеть дома, сидеть в своем углу*. Флексия *-у*, присоединяемая к слову *ум* (заметим, что при этом получается слово-палиндром), содержится в выражении *делать что-либо по уму*, то есть делать правильно, хорошо, однако в этом случае слово *ум* стоит не в предложном, а в дательном падеже.

¹⁹² Степанова 2017: 220–221.

Максимально близкими к авторскому стилистически сниженному сочетанию *в своем уму* являются, вероятно, сочетание *в дому* (фонетически) и *сидеть в своем углу* (лексически и синтаксически).

Вариант *в дому* (второй предложный падеж с местным значением) в современном русском языке стилистически маркирован как разговорно-просторечный, но его, несомненно, следует признать и грамматическим поэтизмом¹⁹³. Такая статусная двойственность производящего сочетания соотносится с мотивом раздвоения личности, в быту обозначаемого выражением *сходить с ума*. В таком случае слова *сижу в своем уму*, лексически отрицая сумасшествие, вместе с тем грамматически напоминают о нем.

В стихотворении говорится: *Машиа и Степанова говорят: поём. / А я ни та, ни ся, – какие? я сижу в своём уму, / И называть себя Марией горько сердцу моему.*

Имена *Машиа, Степанова, Мария*, вероятно, являются словесными знаками разных социальных ролей лирического «я».

Раздвоенность сознания (даже растроенность – возможно, в подтексте содержится и *расстроенность* как эмоция) вызвана конфликтом поэтических потребностей, домашних и служебных обязанностей. Эта утрата цельности представлена многочисленными образами и мотивами: и тем, что звезды теперь можно смотреть только по телевизору в фильмах Лукаса «Звездные войны», и намеком на тюрьму, в которую попали руководители нефтяной компании ЮКОС, в прошлом очень успешной, и позывными *ЮКОС*, созвучными шпионскому псевдониму *Юстас* из фильма Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны».

Но, кроме всего этого, на собственно языковом уровне в стихотворении есть очень значимая импликация в дистантном вариативном повторе: *Чувства раздвигаются, голова поёт <...> Машиа и Степанова говорят: поём <...> Мама отражается, / Говорит: поешь*. Последовательность *поёт – поём – поешь* имплицитно содержит в себе форму **поёшь*.

На первый взгляд кажется, что значимость этих фрагментов имеет отношение преимущественно к фонетике и графике, поскольку буква «ё» в орфографии факультативна. Но вариации строк очень существенно затрагивают и грамматику – категории лица и числа. Сначала употреблена отстраняющая форма 3-го лица (не **я пою*, а *голова поет* – возможно, это не о пении, а о том, что голова болит¹⁹⁴), затем формой 1-го лица *поём* снимается отстранение, но при этом формой множественного числа подчеркивается раздвоенность. Однако имена *Машиа* и *Степанова* одновременно и разделены союзом *и*, и объединены им. Formой числа выражена раздельность субъектов, а формой лица – совместность и единство действия.

В заключительной реплике матери имплицитному индикативу (**поёшь*) противопоставлен императив (*поешь*). Моральная поддержка, таким образом, направлена, на поверхностном уровне, только на бытовую ситуацию.

Но обратим внимание на то, что финал стихотворения соотнесен с началом текста: *Было, не осталось ничего подобного: / Сдобного-съедобного, скромного-стыдобного*. Здесь интересно совмещение современных значений субстантивированных прилагательных с их архаическими значениями, важна рифменная импликация слова *скромного*. Во всем этом есть метафоризация: под свойствами еды подразумевается не только пища телесная, но и духовная. Соответственно, в последнем слове *поешь* можно видеть аналогичную метафору.

Значимый аграмматизм числа можно наблюдать и во фрагменте: *А я ни та, ни ся, – какие?* Formой женского рода семантизируется фразеологизм *ни то, ни сё*, местоимения указывают, в отличие от фразеологизма, на конкретного человека, названного разными именами. Formой *какие* вместо нормативного *какая* (или, еще правильнее по речевому стандарту,

¹⁹³ См. большое количество примеров: Еськова 2008: 616.

¹⁹⁴ Ср. языковую метафору *голова гудит*. На болезненное ощущение указывает и такой фрагмент текста: *я держусь за голову, / У неё не ладятся дела с воротничком, / И мигает левый глаз поворот-ни-ком*.

кто) автор стихотворения ориентирует читателя на восприятие множественности личностей и на их свойства.

Любопытно отметить, что и у В. Строчкова, и у М. Степановой наличие системных вариантов предложного падежа во-первых, связано с разными именами одной и той же личности, а во-вторых, с темой расщепленного сознания.

Сопоставление, оно же и противопоставление системных вариантов форм предложного падежа встречается в современной поэзии довольно часто.

У Владимира Салимона социально-просторечная форма следует за нормативной – как поправка и уточнение:

...Это что еще за мусор, что за дрянь,
что за вздор?
Мать Божья, это ж руки я
распростер.

Это ноги я протянул и лежу.
Голый... Босый... **Как на пляже... На пляжу!**

Владимир Салимон. «Час за часом, раз за разом, как назло...»¹⁹⁵.

Отказ от нормативной формы в этом тексте изобразителен: расслабленность физическая передается расслабленностью речевой.

Возможно, что у этих строчек есть претекст – песня из репертуара Аркадия Северного «Надену я черную шляпу...» со словами: *Надену я чёрную шляпу, / Поеду я в город Анапу, — / И там я всю жизнь пролезу / На солёном как вобла пляжу. // Лежу на пляжу я и млею, / О жизни своей не жалею, / И пенится берег морской / Со своей неуёмной тоской* (автор слов неизвестен).

Конечно, форму *на пляжy* очень поддерживает рифма *лежу*.

Не менее просторечными оказываются формы предложного падежа с ненормативным окончанием *-е* на месте нормативного *-у*:

Я лежу на животе
С папиросою **во рте**,
Подо мной стоит кровать,
Чтоб я мог на ней лежать.
Как внизу лежит сосед.
<...>
Под кроватю паркет,
В нем другой дощечки нет,
И он видит сквозь паркет,
Как внизу другой сосед.

На своем лежит боке
С телевизором в руке.
По нему идет футбол.
И сосед не смотрит в пол.

¹⁹⁵ Салимон 1996: 20.

*Игорь Иртеньев. «Вертикальный срез»*¹⁹⁶ ;

Контекстуальная дифференциация падежных вариантов нередко сопровождается авторской рефлексией. Поскольку при эволюции склонения многие формы существительных получили стилистические и семантические коннотации, связанные как с языком сакральных текстов, так и с диалектно-просторечной сферой функционирования языка, системная вариантность падежных форм оказалась значительным ресурсом поэтического смыслообразования:

В мире, более реальном,
чем приспущенный февраль
над моим районом спальным,
тянущимся к Богу в рай,
не в миру моем – но в Мире,
сквозь безумную Дыру
мечущем своих валькирий
многоглазую икру
на совдеповские стены
и неровный потолок —
в пограничной мне Вселенной
вижу, вижу диалог
двух равновеликих наций
под синхронный перевод:
дескать, нечего стесняться!
мы – народ и вы – народ.

*Виктор Кривулин. «Телемост»*¹⁹⁷ ;

Горжусь я, что в своей стране,
В родном краю (нет, в «отчем крае»)
Я знаю все, что могут мне
Сказать в автобусе, в трамвае.

*Владимир Вишневский. «Незаконная гордость»*¹⁹⁸.

В стихотворении Виктора Кривулина форма *в миру* соотнесена с понятием мирской жизни, а форма *в Мире* – с понятием метафизическим, что маркировано заглавной буквой существительного. Владимир Вишневский, иронизируя над современными условиями жизни, не похожими на условия жизни классиков, кавычками обозначает переход в иную стилистику, и эти кавычки можно понимать одновременно и как цитатные¹⁹⁹, и как иронические.

Родительный падеж тоже, хотя и в меньшей степени, представлен различными системными вариантами:

Се был Москвы передовой собор,
В австрийском Риме община монашей.

¹⁹⁶ Иртеньев 1998: 8.

¹⁹⁷ Кривулин 1990: 101.

¹⁹⁸ Вишневский 1992: 208.

¹⁹⁹ Вероятно, самое известное употребление формы *в крае* – в стихотворении М. Ю. Лермонтова «На севере диком»: *В том крае, где солнца восход.*

К чужим дозор, а от чужих забор,
За коим сонм ученых ипостасей.
Там в русской филологии запор
Усердный тайнописец Копростасий
Навеки вызвал, «Слово о полку»
По вдохновенью взявши с потолка.

Андрей Сергеев. «Шварц»²⁰⁰ ;

Моха чёрная летела
выше прочей мелюзги.

²⁰⁰ Сергеев 1997: 395.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.